

Бауыржан МОМЫШУЛЫ

ПСИХОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Бауыржан Момышулы – советский офицер, участник Великой Отечественной войны, легендарный воин-панфиловец, получивший звание Героя Советского Союза посмертно, 11 декабря 1990 года, посмертно.

Момышулы был кумиром Че Гевары и Фиделя Кастро, который в 1960-е приглашал казахстанца на Кубу читать лекции по военному искусству. Александр Бек посвятил ему свою повесть «Волоколамское шоссе», в которой

панфиловец стал центральным героем. Опытный военный известен и как автор работ по тактическим манёврам и стратегии, стоял у истоков отечественной военной философии. Вторую часть своей жизни Бауыржан Момышулы посвятил литературе и стал известным писателем. Для казахстанцев он настоящий Народный герой, хотя присуждение ему звезды «Халық Қаһарманы» не состоялось до сих пор. Редакция журнала «Простор» рада представить вниманию читателя главы из книги Бауыржана Момышулы «Психология войны».

ПИСАТЕЛЯМ О ВОЙНЕ

Моя точка зрения по теоретическим и практическим вопросам войны может показаться кое-кому узкой и даже наивной. Я человек с семилетним образованием, военной школы не кончал, солдатскую прошёл в горно-вьючной батарее и настоящим военным стал только в годы войны.

Почему я пишу об этом? Потому что война – самое трагическое событие в человеческой жизни. В тылу же живут вымыслами о войне. Вымысел хорош, если он выше действительности, но нет ничего выше современной действительности в войне, и она требует правды. Вы видите в театре или на киноэкране эпизоды войны, но внутреннего содержания её вы ни в кино, ни в театре не увидите, потому что многие писатели и работники искусства не понимают глубоко истины о войне, пишут предположительно, довольствуются вымыслом, который не соответствует действительности.

Меня возмутило произведение одного композитора, который написал лирическую музыку на боевой текст. Зачастую и художник рисует какое-либо полотно и даёт лишь фотографию, без внутреннего содержания. Это, видимо, получается от того, что люди глубоко не знают войны. Правду о войне познать трудно, сидя в тылу, но даже и мы, участники боёв, не знаем её до конца. Находить правду в войне очень трудно, обобщать её ещё сложнее. Постигание истины о войне – это огромная проблема.

Когда я читаю литературу на военные темы, убеждаюсь, что многое не соответствует действительности. Бывают книги, написанные типографской краской, бывают – написанные кровью. Я читал книгу войны, написанную на поле боя кровью, в натуре, а не типографской краской. Поэтому я считаю: недолговечность художественных произведений заключается в том, что художники, писатели или киноработники не сочетают в них художественную сторону с военными вопросами, с войной. Думаю, это большой недостаток. Раз ты пишешь на военную тему, то должен уметь чисто военные вопросы излагать художественными средствами. Вот тогда это произведение будет ценным для всей массы. Большинство писателей, увлекаясь художественной стороной, отклоняются от показа собственно войны, а ведь хорошее произведение должно являться настольной книгой даже для нас, военных командиров. Ведь цель всякого произведения – просвещать. Для того чтобы написать о войне, автор должен быть сам просвещённым человеком в этом вопросе, изучить материалы и факты, творчески перевернуть их и правильно обобщить, он должен все вопросы знать больше и всесторонне. Случайные эпизоды, рассказы отдельных лиц, второстепенные материалы не дают права к написанию серьёзного произведения.

Война – частное и временное, но самое критическое явление в жизни человека. Она на долгие годы решает судьбу его родины, судьбу его народа. Народ бессмертен. Война – великий экзамен народной мощи и воли. Сколько бы ни длилась она, являясь потрясающим событием в человеческой жизни, но оставляет лишь глубокий шрам. Через десятилетия, подлечив раны, народ продолжает жить, он не погружается и не утопает в бездне войны, а стоит выше – над войной, строит, руководит, движется вперёд.

Искусство с давних пор имело исключительное значение в развитии самосознания народа, отражая его жизнь, борьбу, мечты и надежды на лучшее. Литература, музыка, живопись – ясный отгиск всего великого и прекрасного, сокровищница мудрости наших предков и их трудов – являются реальными, сильными средствами к познанию жизни, мощным оружием борьбы.

Опыт Великой Отечественной войны ещё раз убедил нас, что успех зависит от морально-нравственных сил войск, что в конечном счёте живые люди – солдаты и офицеры – решают всё, они в первую очередь подвергаются испытаниям боя, но они являются и творцами побед.

Техника, как бы она ни была усовершенствована и развита, всё же остаётся средством борьбы. Её создал и ею управляет человек. Человека с его душой, умом, разумом никакая техника не может заменить никогда и нигде. Душа человека – самое грозное, незримое оружие в бою. Ей по праву принадлежит первое место; равных ей по мощности средств борьбы нет и не будет.

Основная цель литературы – просвещать, пробуждать благородные порывы и чувства, воздействовать на совесть, честь, волю, разум, поднимать и воспитывать в человеке одно из главных чувств – чувство долга.

Долг – это высшее интеллектуальное понятие, вобравшее в себя ум, чувство, волю, совесть, честь, справедливость, правду, любовь. Только сознание долга ставит солдата превыше всего, облагораживает его, удерживает от низких поступков – трусости и измены. Только сознание долга вдохновляет и воодушевляет, удваивая, утраивая его физическую и моральную силу и способности. Только сознание долга – толчок к подвигам; отвага порождает порыв, бурный поток энергии, творческую силу. Только сознание долга – путеводная звезда ко всему благородному, оно делает способным на всё великое и прекрасное, на что только способен человек.

*Сильнее долга силы нет.
 Крепче долга брони нет.
 Нежнее долга чувства нет.
 Суровее долга судьбы нет.
 Горячее долга страсти нет.
 Священнее долга святыни нет.
 Мудрее долга мудреца нет.
 Искреннее долга творца нет.
 Страшнее долга кары нет.
 Щедрее долга награды нет.
 Светлее долга света нет.
 Прямоее долга дороги нет.
 Острее долга языка нет.
 Стремительнее долга тулпара нет.
 Прозорливее долга пророка нет.
 Прозрачнее долга чистоты нет.
 Выше долга вершины нет.*

*Долг – дух души, сердце сердец.
 Долг – вершина мечты и славы.
 Долг – основа скромности.
 Долг – вдохновение любви.
 Долг – корень преданности.
 Долг – стержень верности.
 Долг – основание покорности.
 Долг – трамплин к дерзновению.
 Долг – дух мужества.
 Долг – сердце отваги.
 Долг – гроза трусости.
 Долг – фундамент совести.
 Долг – охрана чести.
 Долг окрыляет бескрылых.
 Долг воодушевляет бездушных.
 Долг воскрешает мёртвых.
 Долг знает только жизнь.
 Долгу смерть запретна.*

В мире нет и не будет более мощного двигателя, чем долг. Именно так понимает долг солдат. Без глубокого понимания чувства долга, чувства советского патриотизма не понять образ советского офицера и солдата, так как долг происходит от готовности до конца служить идее, не отступая перед трудностями, перед противником.

Правда – самое питательное средство для воспитания чувства долга, мужества, высокой нравственной чистоты, непоколебимой воли, верности своему долгу. Ложь – самый вредный яд.

Я понимаю, что задача, стоящая перед писателем, весьма сложная и трудная, так как его произведение обязано быть прежде всего документом политическим, литературным, историческим, военно-биографическим, с живым, мыслящим героем – нашим современником. Это налагает на автора большую ответственность перед историей, перед его совестью, перед его творчеством, в то же время закономерно ограничивает его фантазию, стесняет стилистическое выражение мысли. Человека эпохи Великой Отечественной войны нужно показать разносторонне – таким, каким он был, таким, каким вышел из войны. Нет абсолютного героя и абсолютного труса. Не было бы трусости – не было бы отваги. Героизм есть результат воинского воспитания и большой внутренней борьбы – с самим собой прежде всего. Читателю обыкновенно показывают героя как сверхъестественную личность и тем самым навязывают мысль о безнадежности подражать ему, вместо вселения в него уверенности в способности совершать такие же подвиги, как и описываемый герой, при условии преодоления ряда внутренних и внешних трудностей.

В наше время образы создаются не авторами, а войной, суровой и трагической её обстановкой, и если художник не может стать выше действительности, над жизнью, то пусть не стыдится этого. Будет уже большой заслугой, если он запечатлеет портрет человека войны с прилежностью хотя бы добропорядочного фотохудожника. Я считал и считаю, что никто не вправе уходить в область абстрактной фантазии, имея под руками нашу реальную действительность. Но, увы, многие, кто занимается этим в силу своего ремесла, к сожалению, оказались глухими, немыми и, самое обидное, – слепыми; они не увидели, не осознали, не поняли, не вникли во всю тактическую глубину вопроса, тогда как именно они должны были это сделать. По этой причине все прекрасные и жуткие факты войны часто делались и делаются жертвами личной узости и ограниченности ав-

торов, которые приглаживают, отполировывают их до неузнаваемости, излагают отутюженным, гладким языком плохого газетчика, и они уже ничего не имеют общего со своим оригиналом – истиной.

Описать, показать, как это было на самом деле, – это не упрощенчество, а искусство. Раскрытие смысла борьбы – есть великая задача и долг истинного художника, а люди этой безжалостной борьбы – материал. Их образ, их портрет – скульптурное изображение эпохи и народа, имеющее глубокий смысл на века, так как они (образы) созданы в неповторимых условиях времени и обстановки. До боли жаль, когда эта драгоценность отмечается лишь одним характером и находит только отражение в литературных документах, подчинённых шаблону, когда не показано, что ими движет внутренняя творческая сила, здравый смысл и логика.

Скажите сами – могут ли фронтовики испытывать уважение к художнику, погрязшему в тине личных, мелких забот и личных, мелких интересов, приращенному повседневной борьбой за существование, а не за творческую жизнь? Конечно, нет. Ведь мелочность его души просвечивает сквозь словесную одежду его произведения. Борьба за простые вещи: за свою жизнь, за свою семью, за свой народ, свою землю, свой язык, за жизнь частную, народную и государственную в безжалостной обстановке войны многих и многих мыслящих людей из нас, солдат, сделала людьми простых слов и простых дел. Война оказала нам услугу зеркала, помогла познанию самих себя и других. Некоторые из нас научились прямо смотреть в глаза фактам, анализировать их, быть объективными, не бояться говорить правду, рассуждать о государственных делах. Это значит, что война выковала на фронте и в тылу сильных людей, способных на собственные выводы о жизни частной и народной, без ненужной для общего дела профессионально-ведомственной дипломатии, иногда доходящей до лицемерия.

Солдат и офицер – люди войны, образ нашего времени, но прежде всего это мыслящие люди, вобравшие в себя опыт войны. Их характер на первый взгляд как будто бы узнается сразу, но, дойдя до кажущейся вам вершины, вы замечаете следующий, удалённый от вас горизонт. Когда вы доходите до него, перед вами встаёт новый горизонт, и вы должны идти и идти вперёд. Этот образ многогранен, подобен бесконечному простору с резко очерченным, пересечённым рельефом местности, как на поверхности, так и в глубину. Это значит, что автор имеет дело с образом развивающимся, деятельным, осмысливающим в пределах своих интеллектуальных возможностей суть борьбы, стихию испытаний, опыта боя и труда. Для автора это сложный образ, весьма трудный объект для описания и восприятия. Часто автор, подхлестываемый срочностью работы, не проникая в глубину, допускает верхоглядство, цепляясь за какую-нибудь одну деталь характера, беря его в профиль. Вследствие этого образ получается однобоким, ограниченным. Простительны эти грехи, когда их совершают по неопытности или по незнанию, но непростительно, когда по халатности или искусственно, руководствуясь личными интересами и личной выгодой. Конкретно этих авторов часто интересует приключенческий характер в действиях и деятельности человека; в частности, выпячивая твёрдость воли, как жестокость, не желая понимать, что в пределах этики и правил ведения войны ломка, разрушение и уничтожение всяких препятствий на путях к цели есть гражданско-человеческая, служебная необходимость, а не жестокость. Они не хотят совмещать волю с добром, любовью, милосердием, без которых невозможен вообще человеческий характер. У них выходит человек с перекаленным, каменным или же с бутфорским сердцем, а не нормального закала упругости стали, не поддающейся никакой деформации при испытании.

Теперь несколько слов о языке художественных произведений. Язык войны – это язык живых людей, язык воинов, участников боя, язык действительности –

стиль времени. Так же, как современный бой представляет собой огневое состязание сторон и завершается ударом живой силы в штыки, язык войны есть переключка языка меча с языком огня. В бою человек достигает не только наивысшего физического, но, прежде всего, умственного напряжения. В бою куётся и язык. Если бы удалось собрать высказывания массы солдат, хотя бы по одной фразе от каждого, то они составили бы несколько томов мудрейших изречений. К сожалению, мы на них не обращаем внимания и не собираем. Писатели, побывавшие на фронте, в большинстве своём, как правило, дальше штаба фронта бывают очень и очень редко, поэтому они не знают грамматику и правописание воинского языка и ограничиваются стилем политдонесения. Поэтому не приходится удивляться, что некоторые авторы свои образы формально наделяют мыслями и словами. То, что оригинально, остроумно и логично в устах солдата и вызывает восхищение, у офицера звучит неоригинально, даже пусто, а часто вызывает недоумение. Коротче говоря, необходимо не механически расставлять слова и раздавать их образам, а учитывать индивидуальность каждого. Лаконизм в стиле изложения, осмысленное, продуманное, целеустремлённое построение образа, расстановка акцентов с возрастающей ритмичностью; кульминация переломных моментов войны в образах и мышлении людей; драматургия боя... Ритм войны должен быть пульсом, биением сердца книги о войне.

К сожалению, не могу не отметить, что некоторые авторы ограничиваются описательным изложением, часто пишут казённым языком, привносят фантастическую «отсебятину», нецеломудренно касаясь кровью написанной страшной и прекрасной действительности нашей, описывая её растянуто, с выдуманной, не соответствующей действительности обстановкой или ненужной лирико-трагедией, с частыми повторениями уже известных положений, упуская основное в теме – бой, человек в бою, не проникая глубоко в сущность как первого, так и второго. Многих, в том числе даже военных, раздражает, когда пехоту справедливо называют основным родом войск, а нас – общевойсковыми командирами. Авторы часто увлекаются внешней формой военных специалистов и являются поклонниками технических родов войск, шарахаясь от внешне неприглядного вида пехотной экипировки, пренебрежительно называя наших солдат «пехтурой».

Пехота, сочетая в себе мощный огонь с ударной живой силой, штурмовым ядром способна выполнять боевые задачи в самых разнообразных условиях местности, погоды, в любое время года и суток. Назначение пехоты – ближний бой. Она начинает его, оказывая на противника огневое воздействие, подавляет и завершает, окончательно уничтожает его страшным штыковым ударом в грудь с глаза на глаз. Она самостоятельна в манёврах, огневом состязании и штыковом ударе. Она – основной и универсальный род войск ближнего, самого жестокого и жуткого этапа боя, она способна завоевать и прочно удержать завоёванное. Ни от одного солдата других родов войск не требуется такой выдержки и отваги, почти нечеловеческих усилий, напряжения, как от пехотинца. Никто так остро не испытывает моральную, психологическую и физическую жестокость боя, как пехотинец. Никто так не осознаёт опасность и уверенность в превосходстве или обречённость своего положения, как пехотинец. Никто так остро не испытывает сладкую радость боевого подвига и горечь неудач, как пехотинец. Он всё завоевывает собственной рукой, сам, лично, а не благодаря «коню» или «мотору». Никто так не лишён оправдания и возможности или способов уклониться от боя, ссылаясь на неисправность машины, или необеспеченность, или ограниченность действий по разным условиям, как пехотинец. Термин «не было возможностей» исключён из лексикона пехотинца. Пехотинец покидает поле боя или убитым или раненым. Ни от кого не требуется такая внутренняя душевная стойкость, хладнокровие, сохранение разума, сознающего долг, чтобы встретить несущееся стальное чудо-

вище, плюющее в него огнём, способное раздавить в блин все преграды на пути, как от пехотинца, который свою обнажённую грудь противопоставляет средствам большой разрушительной силы, как будто его тело плотнее, непробиваемее, чем любая толстая броня.

Как бы относительно ни был слаб огонь пехотинца, но благодаря тому, что ничтожной винтовкой управляет человек, его разум – огонь его точен и губителен. Укус пехотной «пчелы» смертелен наверняка и вернее изрыганий огнедышащего дракона – царь-пушки и прочих мощных орудий, которые в большинстве случаев нагоняют страх, как гроза. Но как ни громка гроза, а молния – разряд – наверняка поражает не всех, на кого гневало небо, а лишь одну точку. Кроме того, пехотинец владеет оружием боя – штыком вплотную, что и венчает успех боя. Никто так не испытывает экстаза близости с противником в бою, атаке, как пехотинец, в самый жуткий и решающий момент боя, когда собственноручно штыком ощущает не только тело, но и нутро неприятеля. Ни в ком так ярко не выражен национальный характер, национальная гордость, как в пехотинце. Итак, пехота – решающая сила. Подумать только – как многогранна обстановка и психологическое воздействие ближнего боя, как глубоко сложен и одновременно прост образ скромного человека – пехотинца в этом котле боя с топливом самой высшей калорийности – термитом.

Ни в ком так отчётливо не проявляются естественная красота и естественное безобразие человека, его моральный облик, высокий нравственный уровень, его неукротимая воля, неиссякаемая энергия, мужество, храбрость, совесть и честь, разум и безумие, правда и ложь, ни в ком так не сочетаются человек и зверь, как в пехотинце. Пехотинца многие знают очень плохо. В их представлении солдат – это какое-то неживое каменное существо, бессердечный, картонный человек. Поэтому в произведениях некоторых авторов образ солдата не соответствует действительности. Образ солдата-пехотинца широк, как необъятный степной простор. И тот, кто достойно опишет пехотинца, тот счастливый писатель. Свобода ему до конца жизни от пера – от него мир большего не потребует.

Несколько слов о нежности солдатского чувства и внутренней морали. Многим кажется, что взаимоотношения людей на войне очень грубы, и в лексиконе некоторых дам, имеющих военных кавалеров, до сих пор существует выражение: «Вы на моё сердце наступили солдатским сапогом» (или ещё хуже – сапожищем), а на самом деле далеко не так, и взаимоотношения людей на фронте не так уж грубы, как это кажется, я бы сказал, даже нежнее, и более чутки, чем любая, самая изысканная искренняя нежность любящей женщины, именно потому, что бой это есть напряжение всех чувств. Если всмотреться – там существует искренняя, внутренняя нежность и теплота – всё, на что только способен человек, именно исходя из обстановки боя, боевой жизни, из её трагического опыта. Ведь как же можно всерьёз отказать, обидеть своего товарища по оружию, когда в душе таится постоянная тревога, что ты можешь скоро навсегда утратить его и после его гибели будешь жестоко страдать и терзаться всю жизнь, что не помог тому, кто больше не нуждается в твоей помощи и поддержке, кто отдал жизнь свою, чтобы ты жил. Перед мёртвым извиняться бесполезно, он лишён жизни, лишён способности понимать и прощать. Как же можно наругать и обидеть? Бой сплачивает людей. Установившееся боевое содружество нерушимо. Правда, грубое обращение часто имеет место в строевом обучении из-за непонимания, что главной целью строевой подготовки является обучение требованиям боя, где команда, как святыня, прививается солдату, где добиваются свободного, механического выполнения команды в строю, без особых и ненужных напряжений мускулов. Но нельзя же из-за таких недоразумений стричь всех под одну гребёнку! И делать слово «солдат»

символом грубости, совершенно не принимая во внимание основное внутреннее содержание. Нет, многие неправы. Я убеждённо утверждаю, что нежнее бывалого солдата существа на свете нет.

Без глубокого понимания образа солдата не понять и образ офицера. Командир – центральная фигура, мозг войск, организатор боя, творец победы. Когда я пишу или говорю о командире, я хочу доказать, что командир – это творческий человек. Мы называем литераторов, художников, композиторов людьми творческого труда, но так как мы говорим, что бой и война это не только наука, но и искусство, то и организатор и проводник этого искусства является творцом. Командовать – значит диктовать, повелевать свою осмысленную волю, непреклонно проводить в жизнь свою творческую мысль, что в военной терминологии носит название – замысел решения.

Первый подвиг солдата – повиноваться воле советского офицера. Первый подвиг офицера – уметь повелевать именем народа, именем государства. Уметь выражать благодарность от имени народа за воинские подвиги, что мы называем оказать воинскую почесть. Самое трудное в армии это повиноваться, ну а повелевать ещё труднее, чем повиноваться. Осмысливать сложнее, чем выполнять осмысленное. Решение настоящего мыслящего командира – тяжёлый творческий труд, результат его творческого мышления. Сколько тяжёлых дум, жестокой внутренней борьбы, переживаний страданий, тревог и волнений приходится перенести командиру, пока он найдёт правильное решение вопроса и прикажет. Шаблон – не творческое решение, и часто не приводит к успеху. Боевое счастье не может случайно сопутствовать командиру в бою – он сам является творцом успеха. Если постараться глубоко проанализировать причины успешного действия войск, то не может остаться незамеченным вдумчивый и активный характер командира в организации и во всестороннем обеспечении боя по замыслу, построению боевого порядка, тщательной разработке и подготовке предстоящего боя и проведению его. Вдумчивое отношение к своим обязанностям – основа творческой деятельности командира. Часто одиночество командира в бою диктуется обстановкой как необходимость, так как всё внимание подчинённых в критический момент приковано к командиру, на его лице не должны отражаться ни сомнения, ни страх. Колебание командира – колебание подчинённых, страх командира – бегство батальона. Командир, не выиграв бой в себе, не имеет права вступать в бой вообще.

Обязанности командира в бою – не геройски умереть, а выполнить поставленную боевую задачу, следовательно, командир должен быть не столько солдатом кулачного боя, сколько солдатом ума. Главная среди прочих обязанностей командира – думать, думать и думать. Опыт сегодняшних неудач должен стать предвестником завтрашних удач, и нечего бояться показать неудачу офицера. Командир должен быть всесторонне развитым и грамотным, строгим и справедливым, честным и непреклонным, уверенным в правоте своего решения. В этом состоит суть офицерского достоинства, чести и гордости. Только такого командира солдат боится, уважает, любит, видя в его лице представителя государства – справедливого судью, строгого обвинителя, горячего защитника, заботливого отца, и целиком доверяет себя его совести без малейшего сомнения и колебания. В нём он уверен, и перед его строгостью и требовательностью до сырой земли преклоняется.

Вникать в душу солдата, уметь воздействовать на его чувства, психику и управлять ими, задевать за живое в интересах службы, мобилизовать всю его сущность для осмысленного действия, для выполнения задачи, знать все качества солдата – моральные и физические, помогать расти, совершенствоваться, прививать положительные передовые черты, боевую дружбу, любовь к своей части, как к родной боевой семье – священная обязанность командира. Неотступный контроль не есть недоверие к подчинённым, а культура в работе, которая

создаёт у исполнителей веру в непоколебимость воли командира к проведению в жизнь принятого решения любой ценой, отгоняя прочь присущее каждому желание противиться, поддерживает сознание необходимости применения своих сил и способностей для точного выполнения полученной задачи.

Офицер ни в коем случае не должен допускать высокомерное отношение к младшим, постоянную придиричивость, грубые замечания и словесную нотацию, переходящую в окрики и оскорбление личности; уважать человеческое достоинство, мундир и честь воина – основное качество советского офицера. Приказ и повиновение составляют сущность воинского порядка, Командир должен владеть ключом от сердца солдата. Солдатский сейф – три ключа: ум, воля, чувство. Учи умом, а не гневом, учи лаской, но не хвали без меры, не терзай без вины. Не крик, не истерика, а осмысленная строгость. Она должна быть справедливой и ни в коем случае не унижать достоинства человека в солдате. Не выходить за пределы нормы гражданского поведения. Отсюда – требование знать подчинённого, уметь его обучать, уметь воспитывать, уметь командовать.

В руках командира – судьба сотен и тысяч людей. Он обязан воздействовать на них силой личного примера, силой убеждения, но и силой принуждения. Он является ревнителем железной воинской дисциплины, добиваясь её любой ценой. Он немедленно должен обуздать паникёров и дать возможность честным бойцам до конца выполнить свой долг перед родиной. Так как командир – отец победы, душа стойкости (из его стойкости подвластные ему люди черпают силы), без тени колебания, не задумываясь, он вырывает с корнем сорную траву с поля боя твёрдой рукой, безжалостно расправляясь с трусами и паникёрами, помня, что честь коллектива – его честь, позор – его позор, судьба его неразрывно связана с судьбой бойцов, его жизнь в бою принадлежит боевому коллективу, которым он командует. Личный пример командира есть средство управления, оно оправдывается лишь в том случае, если есть необходимость. Он должен быть заразительным, увлекать за собой всех остальных.

Храбрость есть умение удержать солдат на поле боя в интересах выполнения задачи. Осторожность в верном сочетании с решительностью – основное качество героя. Безрассудство не есть храбрость, а самодурство. Командир не может быть ни безрассудно решительным, ни рассудительным без решительности. Неоценимо велико значение команды командира в бою не только как средства управления, а как средства, завершающего победоносную борьбу чувства долга над чувством страха в душе солдата. Насаждать строгую дисциплину может лишь тот командир, который безукоризненно соблюдает, прежде всего, самодисциплину, являясь образцом дисциплинированности, который завоевал доверие подчинённых и пользуется популярностью среди них справедливым отношением к ним, уважением их личности и достоинства, постоянной заботой об их нуждах и потребностях (включая и душевные), близкий к солдатской массе, но неизменно строго требовательной во всем.

Командир должен быть всегда и во всём примером. Только тогда он сможет по праву гордиться своим мундиром, и блеск его не будет резать глаза солдатской массе, солдат будет гордиться своим командиром.

На вооружении командира должно быть боевое слово, задевающее за живое солдат своей правдивостью, задушевной простотой. В руках командира сосредоточены все средства воздействия на бойца: от убеждения до принуждения. Командир – власть, а ни одна власть никогда не отказывалась от принуждения, если это необходимо. Жестокость командира должна быть исключительно осмысленной, справедливой, потому что трагические моменты войны требуют суровой беспощадности от командира.

Образ офицера будет сильным, если его показать в развитии, внимательно следящим за ходом обстановки, находящим в ней новое, что может обеспечить успех, своевременно оценивающим обстановку, анализирующим, умеющим обобщить, сделать выводы и развить недоговорённые солдатом оригинальные мысли, чем постоянно вдальблывать ему собственные умные мысли; ведь воспринимать лучшее у массы и обобщать – трудная и сложная роль и долг руководителя. Понять гораздо сложнее, чем толковать. В произведениях некоторых авторов генералы и офицеры показаны постоянно выстреливающими умные слова, образцами ума, а не в развитии, постепенно осмысливающими ход событий войны, учаь у масс, на опыте службы, боев и у врага. Поэтому девиз «постоянно учиться» необходимо заменить девизом «постоянно учиться, учить подчинённых по принципу: мой полк – моя академия». Воспитание сильного духом и верою, спаянного твёрдой нерушимой дисциплиной боевого коллектива – вот комплекс искусства командира уметь командовать.

Образ генерала и офицера будет представлен ярче, если автору удастся понять: размышления командира перед боем, переживание боя заранее, испытание силы воли и своих способностей перед честью оружия, народом и жизнью доверенных ему солдат, то есть, как я раньше выразился, «бой ума с умом», включая и это понятие – «выиграть бой в себе». Самое трудное – набраться терпения, выдержки, спокойствия и хладнокровия, думать творчески, здраво... Нужно в образе офицера показать отдельные штрихи психологии командования так, как она есть. Я так долго задержался на этом определении потому, что без этого качества не создать подлинного образа офицера-командира в литературе. Без глубокого понимания офицера не понять бой и смысл борьбы. Итак, командир – творец победы, стержень, центральная фигура, вокруг которой кружатся все, как планеты вокруг солнца.

Одним из нерешённых в литературе вопросов продолжает оставаться национальный вопрос в армии. Приходится сожалеть, что некоторые стараются эти многогранные и щепетильные отношения разрешать почти отпиской, необъективно представляя неким условным знаком целую армию, ограничиваясь при показе многонационального лица нашей единой армии лишь ударением на акценте и экзотичности фигур. Необходимо разъяснить в книге понятие о национальном духе (этой благородной черте личности в нации и нации в целом) и о национализме, шовинизме (порок личности в нации). Личная национальная, отечественная гордость, национальные благородные традиции, осознание того, что все народы и все нации способны на великое и прекрасное, что нет национальной традиции, мешающей воевать, а есть национальные традиции, помогающие воевать, – стержень национальной политики в армии. Каждый должен любить свою нацию и через глубокую любовь и гордость за неё познать другие нации, уважать и любить их.

Национальная гордость – нерушимый закон и святыня для личности в нации. Тот, кто не уважает свою нацию и не гордится ею – тот, безусловно, безродный человек, бродяга. Гордый может уважать только гордого и вполне законно не уважает негордого. Братство народов основано на гордости нации. В этом состоит основа интернационализма. Понятие и воспитание интернациональной гордости является одним из важнейших источников воспитания такой армии, как наша многонациональная армия. Без глубокого понимания интернационализма не понять и образа советского офицера.

Некоторых из моих московских собеседников-литераторов смущают якобы азбучно-элементарные трактовки уставных положений в произведениях под литобработкой Александра Бека. Так как эти товарищи и поныне не перестают гово-

речь об этом на любом литературном перекрёстке, я позволю ниже повторить свои разъяснения по существу этого вопроса. Устав – библия командира. Без глубокого понимания устава не понять образа офицера. Без знания прав и круга обязанностей не создать образа во всей его глубине. Нельзя найти истоки его подвига. Без устава не понять образ офицера. Без устава не понять солдата. Без устава не понять бой. Без устава не понять войну. Целые главы устава поднимаются до философских обобщений. Устав есть произведение искусства. Устав есть обобщённый, сжатый, спрессованный сгусток опыта боев – мышление в понятиях, введённое в сознание мыслящих военных руководителей ценою неоднократных, многих жертв, и написан он кровью. В нём вложен, как ни в какой другой книге, здравый смысл (не всем доступный и при изучении требующий детальной расшифровки, трактовки, применительно к обстановке); основные, отправные установки – данные закона, метода тактических и оперативных приёмов и способов ведения боя и искусства войны, глубоко обоснованные научно-теоретически и практически многолетним, многожизненным боевым опытом – историей войн.

Не каждому просвещённому военному профессионалу доступны все параграфы устава во всей глубине этого понятия. Поэтому многотомные военные труды, написанные до нас и в наше время, имеют единственную задачу – растолковать устав, и армия военных профессоров прошлого и настоящего не может со всей определённою сказать, что ими это уже достигнуто.

Сложную проблему в нашей практике представляет знание устава, а понимание – тем более. Следовательно, чтобы понять устав, нужно иметь большую теоретическую подготовку и громадный практический опыт, лично приобретённый на поле боя. Поэтому неоднократные заявления некоторых писателей, утверждающих, что знают устав, невольно, наравне с законно справедливым раздражением, вызывают горькую, но вместе с тем ироническую улыбку... Коротче говоря, если автор пишет на тему войны, имея под руками документальный материал реальной действительности, ему не избежать устав ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах, так как избежать его – это значит избегать жизнь, избегать живую, жуткую, красочную действительность на поле боя, встать на путь фальсификатора, чего я не желал бы даже врагу своему. На войне случайностей как таковых нет, а есть закономерность. Как и другие явления, бой ограничен своими законами, правилами, нормой. Сборником, собранием этих законов являются уставы.

Итак, устав – это жизнь. Передача мышления в понятиях, превращение мышления в образы художественной литературы, делающие доходчивыми до массового читателя положения устава, которые необходимы для наших соотечественников как воздух, на данном этапе развития нашего поколения солдат, рождённых и обязанных сражаться на любом участке в эту эпоху непрерывных войн, сплошной жестокой борьбы, часто доходящей до грубой формы – драки.

Книга на тему войны должна грамотно, со всей остротой освещать вопросы войны с военной точки зрения, имея центральной фигурой человека в бою и его психологию. Она должна являться для читателя пособием военного просвещения (не только романом), дающим возможность познать умом истину на войне.

Мне кажется, что любое литературно-художественное произведение на военную тему обречено также на неудачу (неполноценность и неживучесть), если его автор игнорирует устав; этим самым он не только губит для себя хорошую перспективу, а, самое обидное, губит дело, и на многих это несчастье неизбежно обрушивается, потому что они считают, что устав избежать гораздо легче, чем попытаться понять его. Мне кажется, что основная задача художника – это возродить жизнь, нашедшую покой в параграфах устава в сжатом, чеканном, сухом изло-

жении, то есть он обязан оживить устав в общедоступной форме художественного слова. Художник должен заниматься разобщиением обобщённых, суммированных уставом фактов, сведённых в единое понятие. Следовательно, художник – писатель должен знать больше, чем устав; если он располагает суммой – найти слабые, если он хочет доступно растолковать произведение – найти множимое и множитель, знать делимое и делитель, чтобы сказать о частном. Особенно следует быть осторожным со знаками плюс и минус, дабы сумма и разность ни в коем случае не вышли за рамки справедливости.

Все экспериментальные приёмы боя, тактические и оперативные замыслы производятся в лаборатории войны – на поле боя, на нас, солдатах. Мы своей кровью подтверждаем правильность или неправильность того или другого положения. Только на нас, солдатах, испытывается эффективность всех вакцин войны, поэтому писателю необходимо прививать себе войну – вакцину и навсегда излечиться от литературного лихачества ума и пера.

Когда мы говорим об уставе Красной Армии, не следует забывать, что он является разработкой основных положений войны, это не копия петровского устава или суворовской науки побеждать, или устава какой-нибудь иностранной армии, а самостоятельная, современная военная мысль, ступок эволюции, обобщения, осознания опыта боев, поэтому каждый, рассматривая своё понятие об уставе через призму критики, обязан доискиваться до истины.

В ходе Отечественной войны некоторые уставные положения часто и постоянно менялись, так как на практике боевых действий не нашли оправдания или подлежали частичному уточнению. Поэтому не следует пересмотр уставов рассматривать как неустойчивость или необоснованность, наоборот, это доказательство полного отсутствия консерватизма в нашем военном деле – в этом состоит его большевистский характер.

В период наступлений нашей армии каждый, чувствуя приближение конца войны, оглядывается назад, всматривается в лицо её основных этапов. Период отступления был характерен острым ощущением боли за родину, выросло осознание себя гражданином, сердце которого истекает кровью за каждый отданный врагу клочок родной земли. Это нашло выражение в лучших стихах первого периода войны – Суркова, Твардовского.

Стабильность фронта породила тоску по дому, жене, детям, родному городу – здесь центром внимания стал Симонов с его интимной лирикой.

В третий период, эпоху победного наступления, тоска, лирика отступают на второй план. Наступлению нужна победная героическая песня. В наступлении, как нигде, поэт, а не прозаик должен быть рядом с бойцом. Боец в эпико-героических образах поэзии должен ощутить свои богатырские возможности. Уже написанные марши полков и дивизий должны вырастать в новых строках с новыми именами героев, именами отвоёванных городов – это поэзия подъёма сознания стихийной силы образов, праздника чувств, гордых совершенной отвагой наших воинов.

Искусство сейчас вступает в эпоху капитального строительства на темы войны, отказываясь от временок полевого типа – недолговечных, имевших задачей обеспечение нужд только сегодняшнего дня. Мне кажется, что настало время истинному художнику прежде всего самоопределиться, внутренне раскрепощая себя, работать без оглядки, не сковывая творческое воображение цепями преждевременных вопросов «как подумают», «как посмотрят», «что скажут», «понравится ли». Всё это делает погоду на короткий отрезок времени. Художник должен жить высокими идеями, и не следует ему, работающему над большой темой, самому в ходе работы применять ножницы чаще, чем карандаш.

<i>Поэт мог бы дерзновенно сказать:</i>	<i>Я в войну войной хотел войти.</i>
<i>Я словом в слово хотел войти.</i>	<i>Чтобы войну войной пресечь.</i>
<i>Чтобы словом слово жечь.</i>	<i>Я в поэзию поэзией хотел войти,</i>
<i>Я мыслью в мысль хотел войти.</i>	<i>Чтобы поэзию поэзией вознестъ.</i>
<i>Чтобы мыслью мысли сечь.</i>	<i>Я жизнь в жизнь хотел войти.</i>
<i>Я чувством в чувство хотел войти.</i>	<i>Чтобы жизнь жизнь принестъ.</i>
<i>Чтобы в чувствах чувство беречь.</i>	

Я утверждаю, что многие из фронтовиков, записывающих воспоминания, несут в себе большой литературный и документальный материал. Повторяю, некоторые из них, мне кажется, поступают совершенно разумно, когда одновременно с писателями-профессионалами хотят осмыслить пережитое, доверяя писателю свою память и свои записи.

К горькому сожалению, некоторые авторы смотрят на таких фронтовиков как на удачно подвернувшийся материал, флиртуют с темой, в лучшем случае трактуют их рассказы, записи и мысли как случайно сказанные слова, чем заглушают голос героя и компрометируют цельный и ценный по содержанию материал, теряя при его освоении чеканный язык воина. Это законно вызывает возмущение, внутренний творческий счет и глубокую человеческую обиду воина, которому суровая и трагическая обстановка войны продиктовала мысли и образы.

*Он, возомнив себя творцом, художником слова,
жизнь воспринимает лишь по внешним признакам.
Я хочу изнутри преподнести рисунок реальной жизни,
начертав её углем, а не намалевав масляной краской.
Он расставляет героев как знаки препинания и пешки.
Я смотрю на них как на личности в истории, как
на биографию народную.
Я, кровью пережив историю, художник больше, чем он.
Таков мой счёт, ибо вечной темой войны остаётся
священно пролитая кровь.*

* * *

Наши солдаты в печати, и особенно казахстанской, показываются в неприглядном, сером виде, поэтому я вынужден был в начале 1942 года написать письмо писателям, журналистам, издателям Казахстана. Многие из них на меня обиделись, обратив главное внимание на резкость тона письма.

«Я приношу глубочайшие извинения писателям, журналистам-казахам, которые сейчас заняты конструированием большого агрегата для человеческой души, созданием крупного, объёмного, капитального художественного произведения (которого мы до конца войны, по всей вероятности, не увидим), что этим письмом я вмешиваюсь в их дела, отвлекаю их внимание.

Но я, как руководитель более чем тысячи вполне сложившихся человеческих душ, ныне находящийся в рядах солдат Отечественной войны, испытывающих на себе все тягостные испытания, лишения и переживания ужасов войны и переживания радости боевого подвига и радости победы, душой, сердцем и телом, физически, морально и нравственно терпящих духовный голод, видя, испытывая и чувствуя эти явления большого боевого коллектива, по долгу службы – я вынужден это сделать. Мне подсказывают моя совесть, моя честь, мой долг.

Я пишу не для того, чтобы передать вам горячий привет от бойцов и командиров 8-й гвардейской стрелковой дивизии – на это я не уполномочен.

Также пишу не для того, чтобы дать интервью любопытным журналистам о боевых эпизодах на нашем участке фронта – на это тоже не имею полномочия. Я пишу для того, чтобы вам всем заявить претензии бойцов, которые нахожу справедливыми лично с моей точки зрения. Надеюсь, что вы с достоинством литератора, хладнокровно, по-деловому, выслушаете эту маленькую неприятность, каковую я ниже преподнесу на резком, грубом, неотшлифованном своём солдатском языке, рассчитывая на ваше снисхождение, благодушно прошу простить меня – отвыкшего говорить изящно, деликатно и дипломатично. Ведь для этого нужно время, которым не располагаю, лучше короче, хотя топорно, но о деле, о службе – буду писать.

В переживаемые нами суровые дни Великой Отечественной войны наш народ, наш советский тыл воинам Красной Армии дают всё необходимое для боя и для победы. Как оружие, так и обмундирование в ходе боев изнашивается, а наши техники, мастера нам своевременно ремонтируют оружие; портные и сапожники чинят, штопают, накладывают заплатки на нашей износившейся экипировке, производят обыкновенный мелкий и текущий ремонт, тем самым предохраняя бойца от сырости, непогоды и ветра, продлив своевременным ремонтом срок носки, т. е. заставляют кожу и хлопчатобумажный материал честно и до предельной возможности служить народному, нашему общему делу с большой пользой.

Дух наших бойцов и командиров в борьбе крепок, как гранит. Ненависть к заклятому врагу горит в сердце каждого из нас. Но душа солдата тоже имеет свойство изнашиваться – солдат не камень, не сталь, не стекло, а человек, обыкновенный человек со всеми человеческими достоинствами, чувствами и слабостями, присущими каждому. Он не только постоянно проявляет отвагу, мужество, героизм, но и в минуты душевной невзгоды проявляет и слабодушие и слабоволие. Многим удаётся самим перебороть эту напавшую на него слабость и взять себя в руки. Другим товарищи помогают. Третьих командир и политработники ободряют. Одним словом, тоже понемножку ремонтируются, оттачиваются, как лезвие боевого клинка и боевого штыка для завтрашнего боя, даётся нужный закал некоторым ослабевшим в огне боев.

Боец – живой человек. Он грустит о жизни, о любви, он жаждет ласки и нежности любимой, чудного лепета маленького, забавного карапузика сына или кудрявой малюсенькой дочки – он муж, он отец! Он трепещет от радости боевого подвига, радости любви, радости отцовского чувства, восхищается красотой природы. Нежно любит вдыхать приятный аромат цветов. Приятно ощущает тепло яркого, солнечного, сияющего дня. Он с любовью смотрит в голубое, безоблачное звёздное небо ночью. Это жизнь, он – живой человек. Он плачет, и плачет горько, опуская в могилу тело убитого боевого товарища. Он злится, нервничает, грустит, печалится, обижается на невнимательность близких людей, друзей и хороших товарищей. Порой он устаёт физически и духовно: в голову лезут разные мысли, которые мешают, кусают, пристают, сверлят, точат, пилят и назойливо трут до крови, тяжело давят на тело и душу.

Я не рядовой боец, но тоже солдат, и всё это я испытал, видел, слышал и недавно был свидетелем такого разговора в блиндаже. Чтобы разогнать эти мысли и во время десяти-пятнадцатиминутной передышки забыться, боец из вещевого мешка вынимает книжку и читает её оглавление.

– Ах! О войне. Как в окопе, в сыром и полумрачном блиндаже живётся, – разговаривая сам с собой, швыряет книгу вон, пустив по адресу автора настоящий мат, – он думает, что я не знаю – я только что оттуда.

Снова копается в мешке. Вытаскивает в потрёпанной обложке маленькую книжечку и говорит, рассматривая её:

– Дорогой Антон Павлович. Здравствуй, дорогой мой доктор, – рука у него дрожит, жадно читает коротенькие рассказы Чехова. Его глаза постепенно ласково пробегают строки за строками, его обветренное морщинистое лицо приятно вздрагивает и в углах потрескавшихся губ появляется улыбка, и он, прихлопнув ладонью по колену, почти безумно хохочет.

Он протянул книжку товарищу, удивлённому его неожиданным смехом:

– На, почитай... вот это место, – указывает он пальцем.

Опять роется в мешке... радостно говорит:

– Золотой Александр Сергеевич, генералиссимус русской поэзии и словесности. Очень и очень, от души рад вас встретить в этом блиндаже. Добро пожаловать. С нами вместе воевать пришли, землю русскую защищать? Пожалуйста, пожалуйста. Рад иметь такого боевого друга, как вы...

В это время замполитрука приносит газеты. Боец берёт «Социалистик Казахстан». Видно, что-то ища, пробежав страницу, разочарованно отдаёт обратно, приговаривая:

– Опять «помощь фронту». Вся газета исписана. Конечно, я не против, нужно, и, безусловно, нужно печатать, но не на всех четырёх страницах... Для души-то что-нибудь напечатали бы, – тяжело вздохнув, – ох, редактор, редактор! Души у тебя, братец, нет. Всё равно как мой пулемёт – «так, так, так» – твердишь и твердишь, без конца и края: «война, война, война»... Конечно, война, я отрицаю, что ли? Факт, уже полтора года налицо. Сухарь ты ржаной, брат, хоть обижайся, но всё равно говорю – сухарь! Без вкуса о войне пишешь, в военной кулинарии, к сожалению, мало разбираешься.

– На... «Красная Звезда», – протягивает помполит.

– Давай, что хорошего пишут, – берёт и читает...

– А! Илюша! Илюшенька, Эренбургушка! О чём ты мне хочешь сегодня рассказать? – читая, кивает головой: – Правильно, брат, правильно говоришь... Умный ты мужик оказался. Вчера командир о тебе говорил: «Илья Эренбург – наводчик, снайпер, солдат – метко из пера стреляет», а я просто, по-своему, по-дружески скажу: «Ты – мой мелкий сапожник, искусный портной, каждый день то заштопаешь, то гвоздичек прибьёшь моей душе. Молодец, хорошо производишь мелкий ремонт!»

На третьей странице, увидев стихи, восклицает:

– Костя Симонов! Ты тоже здесь, солдат лирики... хорошо о сердечных делах пишешь, хорошо!

– А Абая мы совсем забыли, – говорит другой боец.

– Да, приятно было бы поговорить со стариком, уму-разуму поучиться у него.

– Ведь он неплохой вояка, – отвечает первый боец, – но, знаешь, молодой человек, он, Абай, не виноват, он с удовольствием повоевал бы вместе с нами. – Разведя руками и поморщив лоб, продолжает: – Понимаешь, случилось несчастье, говорят, что на старика в Алма-Ате домашний арест наложили и редактор издательства до конца войны к нам его не намерен отпускать, а после войны он старика вам в трех томах хочет представить.

– Можно же отдельные стихи Абая печатать для фронта, отдельными брошюрами, – говорит третий боец.

– Нет, – раздражённо отвечает ему первый, – нет, говорю, ты понимаешь, что нельзя, говорят... говорят, что на этого старика истрачено много бумаги (потому что он раньше всех казахских писателей печатался), а фонд издательства предназначен молодым писателям и поэтам, которые сейчас учатся выводить буквы нового алфавита. Понял?

– Довольно, – басом произносит ефрейтор, – давайте я вам лучше вслух прочту «Алексей Куликов, боец...» Бориса Горбатова, он простого солдата хорошо знает и боец в центре его внимания, потому и хорошо пишет. Слушайте...

Такой диалог – не моя выдумка, а на самом деле и в действительности имел место в блиндаже. Я передаю его со всеми подробностями и умышленно не называю имена бойцов, во избежание разжечь огонь раздора между вами и этими простыми честными бойцами... Я считаю, что товарищи бойцы правы и, не будучи ни литератором, ни издателем, ни редактором и ни цензором, передаю вам без всякой корректуры слова моих боевых друзей. Правда, они ещё обижались на Мухтара, Сабита, Габита, Абдильду, которых они прежде глубоко уважали, а сейчас по их адресу тоже наговорили разные неприятности, но их я, за неимением времени, не записал (за что прошу их извинить меня), а обещал бойцам написать им письмо, чтобы они в ближайшее время написали для фронта коротенькие, содержательные, простые рассказы и стихи.

Теперь немного от своего имени. Под впечатлением изложенного выше разговора я позволю себе задать вам следующие общие вопросы.

Казахов-бойцов на фронте Отечественной войны не менее, чем сотни тысяч. Многие и многие из них не владеют русским языком. Вас, литературных бойцов и командиров (к сожалению, не идущих в ногу с военным и трудовым фронтом), я спрашиваю:

1. Кто из вас из какой части и к какому роду оружия (поэзия, проза, драматургия и т. д.) литературного фронта принадлежит? И что эта часть и род оружия и вы, как солдат, делаете для военного и трудового фронта?

2. Кто из вас подарил солдату хотя бы подснежник, лепесток, дикорастущий тюльпан, не говоря о культурной розе и целом букете из цветов, которые предоставили бы бойцу радость и вдыхал бы он приятный аромат поэзии?

3. Кто из вас рассказал солдату юмористический рассказ, вызывающий хотя бы улыбку на его суровом лице, не говоря о смехе, хохоте, столь необходимым для солдатской души и для победы, как пуля, штык и прочее оружие?

4. Кто из вас написал полный горечи, народного горя, гнева, ненависти к врагу, трагедии войны очерк (или как там у вас называется в литературе), разжигающий душу бойца пламенем ненависти, призывающий его к беспощадной мести, мщению злом за зло, смертью за смерть и кровью за кровь?

5. Кто из вас отшлифованным, сжатым, простым, понятным, полным художественной силы, доходчивым до бойца языком написал о жизни, счастье, любви, о семье, о совести, о чести, о славе, доблести, отваге, напоминающем бойцу о всём человеческом достоинстве, гордости и чести, способствующем перебороть чувство страха, ограждая себя от чувства стыда, низости и позора?

6. Кто вам сказал, что солдат идёт в бой умирать? Ложь! Солдат идёт в бой не для того, чтобы умереть, он, как и вы, любит жизнь и за неё идёт в бой.

7. Кто вам сказал, что страха нет? Страх есть, он вездесущ и присущ каждому живущему. Чувство страха преодолевается сознанием, глубоким сознанием чувства долга и благородства. Кто вам дал право скрыть этот факт в человеческих чувствах, не описать его правдиво, наглядно, заклеить позором и проклятьем труса и паникёра, малодушие и шкурничество?

8. Кто сказал вам, что героизм – дар природы? Нет! Героизм не есть дар природы, а результат сознательного воинского воспитания и принуждения себя сознательно идти на опасности, откуда брызжет смертью, ободрённый возвышенным благородным чувством гражданина для выполнения священного долга перед Родиной.

9. Кто дал вам право не отдать должное совершённом солдатам подвигу, отваге, а марасть бумагу художественной размазней, преуменьшив или преувеличив, по воображению писателя, действительный правдивый факт, красочную историческую действительность, показать во весь рост полновластного офицера и кроткого солдата?

10. Кто дал вам право некоторые хорошие произведения русских писателей построчно, по абзацам переводить на казахский язык (никому не понятный – русские слова произносить по-казахски), а не заставить автора заговорить свободным, доступным, понятным казахским языком, по сути и содержанию оригинала с такой же силой, как и на русском языке?

11. Кто дал вам право занять выжидательную позицию до конца войны, не писать, а собирать пока случайные материалы и сидеть в литературной засаде?

12. Кто позволил некоторым ефрейторам литературы командовать полком и дивизией литературного фронта?

13. Кто наложил домашний арест на старика Абая, его лирику, его гений, его мудрость, и не позволяет ему маленькими брошюрами прийти на фронт?

14. Кто наложил запрет выезда на фронт народной мудрости, сказки, юмора, сильных и доходчивых, воинственных, почти суворовских народных поговорок отдельными брошюрами?

15. Кто дал право не держать постоянно и глубоко мудрого Джамбула в курсе событий, дать этому сильному агрегату мудрости «простой», прикрепив к нему неграмотного, невежественного, читающего русскую газету по слогам секретаря, тем самым законсервировав старика в бурные дни Отечественной войны?

16. Кто вам дал право оставлять без внимания, (почти) без газет и без литературы сотни тысяч бойцов-казахов (не понимающих или слабо понимающих по-русски) на родном языке?

Я, как солдат, требую ответа на все эти вопросы.

Хотел ещё кое-что сказать, но не располагаю временем. Я не заключаю своё письмо повторным «извините» лишь потому, что под пером чувствую правду. Примите мои искренние пожелания плодотворной творческой работы на тему сегодняшнего дня».

Этим «Письмом к писателям» я хотел сказать, что солдат прежде всего – человек и ему присуще всё человеческое. Самое грозное оружие в бою – душа человека, боеприпасы к нему – духовная пища. Для того чтобы понять эту душу, нужно знать её конструкцию полностью, нужно знать каждую деталь, каждый винтик для того, чтобы снабжать и питать это оружие – арсеналом его является живое слово. Раз мы назвали душу солдата оружием, каждое оружие нужно делить на системы и калибры. Солдатская масса разношерстна, разносистемна и разнокалиберна. Есть души-гаубицы... а им присылают пули для винтовки, а к мелкокалиберной винтовке вдруг присылается снаряд. Раз продукт творчества писателя мы называем духовной пищей, то и надо давать солдату такую книгу, чтобы ему было легко её читать, чтобы она вызвала у него смех, напомнила бы ему обо всём человеческом, о достоинстве человека. Об этом, конечно, писать трудно, но нужно. Исходя из этих соображений, я и написал такое письмо. Должен сказать, что шестьдесят процентов и русской фронтовой литературы, которую мы получаем, тоже брак, а наши литераторы-казахи, во избежание брака, решили совсем не писать. Правда, это экономия средств, но ведь в духовной пище солдат-казах нуждается не меньше, чем другие.

Повторяю, очень трудно писать на военную тему. Пока нужно делать эскизы событий, наброски, но чтобы из них было видно, что человек пытался нарисовать. Сейчас нужно писать так, чтобы после войны над этим материалом можно было бы работать несколько лет и придать ему лицо, настоящий облик.

Любая потеря возвратима, но потеря человека невозвратима. Главная сила армии и её основная ценность – солдаты. Поэтому главное внимание должно быть уделено обучению солдатскому ремеслу. Пренебрежение к солдату, к человеку не приводит к хорошему. Всегда нужно откликнуться на нужду солдата, и поскольку писатели являются основными поставщиками духовных

боеприпасов, им всегда нужно быть чуткими в своих произведениях и сознавать всю полноту ответственности в этом вопросе перед народом. Солдат погиб – вся ценность потеряна, сохранить солдата – вот что самое важное. Когда будем говорить о Панфилове – я разовью эту мысль. Для того чтобы не потерять эту ценность – солдата – нужно обучать его и духовно, и физически, воспитывать в нём хорошего воина, обучать солдатскому ремеслу, чтобы он сам не погибал, а врага уничтожал. Для победы нужен духовно здоровый, высоко-сознательный советский человек.

Проблема воинского воспитания – есть проблема воспитания от пелёнок до штыковой атаки. Родительское воспитание – самая главная стадия дошкольного воспитания. Школьное воспитание, общественно-молодёжное воспитание – самая важная стадия в становлении человека. В общественном воспитании человек нуждается до самой гробовой доски. Ошибочно считать, что взрослого не нужно продолжать воспитывать. Солдат – взрослый человек, но его общественное положение производит его в младшие ранги, и этот ранг в армии требует не менее заботливого отношения и опеки, чем над юнцами. Совершенно недопустимо, чтобы душа солдата паслась на подножном корму. Я считаю преступлением, когда казахи-бойцы на фронте не получают самого элементарного скудного пайка из арсенала родного языка, родной литературы, родной музыки.

Дело военных – обучать призванного в армию гражданина военному делу, технике и приёмам боя, солдатскому ремеслу, одновременно продолжая общественное воспитание. Часто мамы портят человека ещё с пелёнок. Попадает к нам такой испорченный человек, неужели я могу его исправить в течение двух лет, ведь его портили двадцать два года? Беда ещё и в том, что у нас часть молодёжи разболтанная, расхлябанная: старших не уважает, грубит.

Казахская пословица гласит: «Ұяда не көрсе, ұшқанда соны іледі» – «Как тебя воспитают, таким и вырастешь». Если ребёнок с пелёнок с мамашей не ладит, в пять лет спорит с отцом, не слушается, растёт хулиганом, то он неизбежно становится плохим гражданином и солдатом. Перевоспитать такого человека, привить ему боевые качества – трудная обязанность не только командира. Мало приятного командиру от такого подарка нерадивых мамыши и папаши. Ребёнок должен с молоком матери впитать все благородные качества человека, гражданина, и тогда из него выйдет и хороший воин. Тогда армия может получить добропорядочного человека, хорошего воина, а теперь мы иногда мучаемся и очень много теряем времени, сил и здоровья на перевоспитание.

Большая роль в воспитании масс принадлежит художникам, писателям, композиторам и другим деятелям искусства. Когда я был на приёме у первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, мы с ним четыре часа говорили о воспитании, национальной воинской культуре и о некоторых пробелах в этом отношении, выявленных войной, плоды которых иногда приходится пожинать. Нужно воспитать до армии хорошего человека. Это очень глубокий вопрос. Вот почему я вынужден писать о солдате. Слово «солдат» нужно понимать не только в смысле – на войне. Вы ведь не на войне, не на фронте, но тоже солдаты трудового фронта. Нужно видеть человека солдатом с малых лет. Я не имею в виду только человека в серой шинели с винтовкой в руках, а под этим подразумеваю всех тех, кто работает в разных областях деятельности. Это тоже фронт. Слово «солдат» я понимаю в широком смысле. От семейного быта до атаки, в бою, везде нужны бойцовские качества, упорство человека. Военно-боевая деятельность человека – есть только одна из разновидностей нашей борьбы.

Нелегко стать солдатом, военным. Во-первых, потому, что солдат по службе не имеет никаких демократических прав, я говорю – на службе, а не в изби-

рательной системе. В строю нет свободы действий, личной жизни, нет права распоряжаться собою. Солдат лишён всего этого – такова необходимость, такова солдатская доля. Элементы демократизма в армии вредны. Вы можете сказать – это неправильно. У нас некоторые военно-политические работники это оспаривают, но я пришёл к выводу, что во взаимоотношениях командира и рядового не должно быть даже элементов демократизма. Есть повелевающий и есть повинующийся – таков армейский принцип командования и подчинения, это необходимость. Никакого равноправия между подчинёнными и командиром в строю быть не может. По всей вероятности, после войны будут обсуждать этот вопрос, но я, являясь участником Отечественной войны, имея скромный опыт, убеждён, что придётся прийти к такому выводу. Мнимое и ложное равноправие в армии будет обсуждаться после войны – в этом я убеждён.

Нелегко быть солдатом, нелегко повиноваться чужой воле, но ты должен беспрекословно выполнять приказ, команду, даже если тебе это и не нравится, ты должен молчать и делать. По этому вопросу в моих рукописях есть более или менее обдуманные формулировки. Тот, кто в моей точке зрения сомневается и интересуется этим вопросом, пусть обратится к рукописи.

Нелегко командиру дисциплинировать войско, добиться повиновения. Я уже говорил о благородных традициях воспитания, повторяться не буду. Исходя из этого, я написал письмо Председателю СНК Казахстана о воспитании молодёжи, о воинском воспитании нации и о военной культуре, о благородных традициях нашего народа, формирующих боевые качества в джигите.

«Являясь участником, руководителем и наблюдателем более ста боев, я пережил горечь неудач и радость побед, радость боевого подвига своего лично и солдат наших. Ещё в феврале месяце 1942 года я попытался обобщить результаты личных переживаний, наблюдений за другими, действий отдельного солдата и целого боевого коллектива, по родам оружия, по видам боев и другим психологическим особенностям в общую тему «Мысли о воспитании боевых качеств». Мне удалось частично изложить свои соображения на бумаге, но за неимением времени до сих пор не представляется возможным закончить начатое, и эти мысли неотступно преследуют меня, как только я освобождаюсь на несколько минут от непосредственной работы.

Я убедился на собственном опыте, что в воспитании боевых качеств бойца колоссальное значение играют военное прошлое народов и национальные традиции. Одну из ненаписанных глав своей рукописи в плане я назвал: «Благородные традиции, воспитывающие боевые качества в джигите», в этом личном письме к Вам, как со старшим братом, я хочу поделиться с Вами набросками этой главы.

1. ЭДЕТ И ЭДЕП

«Ұяда не көрсе, ұшқан да соны іледі» – «Как тебя воспитают, таким и вырастешь».

«Ұлың өссе ұлы жақсымен, қызың өссе қызы жақсымен ауылдас болғын» – «Сын растет – будь соседом с хорошим сыном, дочь растет – будь соседом с хорошей дочкой».

«Жаным арымнан садаға» – «Лучше умереть, чем потерять совесть».

«Өлімнен ұят күшті» – «Совесть сильнее смерти».

«Қоянды камыс – ерді намыс өлтіреді» – «Заяц умирает от страха, а герой – от стыда».

Хочу изложить смысл и значение этих поговорок, в выводах сказать, что воспитанность (эдеп) должна быть внедрённой в сознание и стать привычкой (эдет). Уважение к старшим, сознание долга и чести, безукоризненное соблюдение общественного порядка, строгое соблюдение законов воспитывают положительные качества, которые носят название благородства, любви к Родине, народу, семье, человеку, жизни. Человек, получивший хорошее воспитание,

владеет основой боевых качеств – преданностью, честностью, дисциплинированностью.

1. Игра в асык, жілік, жасырынбақ, жарыс, күрес, ақ-сүйек воспитывает в юноше сноровку, ловкость, увёртливость, меткость, быстроту, упорство и прочие военные (боевые) качества, необходимые солдату в бою как воздух.

Опыт убедил меня, что әдепсіздік – әлсіздік, әдептілік – ерлік (невоспитанность – слабость, вежливость – мужество).

2. «Сөз тапқанға қолқа жоқ» – «Кто правду говорит, с того и вопроса нет».

Бәдік, той, айтыс – есть состязания быстрого мышления и остроумия. Нигде, как в айтысах, не застаёт человека врасплох многогранная неожиданность. Айтыс, бәдік, той вырабатывали у юношей и девушек импровизаторские способности, любовь к устной литературе и музыке, расширяли их кругозор, они приобретали остроумие и смекалку.

Бой полон неожиданностей. Смекалка и сообразительность – постоянные спутники солдата, обеспечивают победу в условиях, кажущихся иногда безнадежными, в безвыходном положении.

«Бөлек – бірді, ақыл, айла – мыңды женеді» – «Сила победит одного, а ум, ловкость – тысячи».

3. Көкпар, бәйге, аударыспақ – традиционные национальные спортивные игры, вырабатывающие смелость, ловкость, физическую закалку, азарт, способность к риску с расчётом, даже способность к самопожертвованию ради чести и славы своей. В благородстве этих игр не может быть никаких сомнений. Эти игры воспитывают благороднейшие рыцарские качества в джигите, столь необходимые для солдата Красной Армии.

Вот краткий перечень этой ненаписанной главы.

Наши «шоқынғандар» пренебрегали этими благородными традициями в воспитании боевых качеств как «отжившими», они даже преследовались до сих пор людьми негосударственного ума, сидевшими за председательскими столами, в общем потоке «бунтарства» против прошлого. Это было, безусловно, неумно. Здесь будет кстати упомянуть старую казахскую поговорку «Шала молда дін бұзар» – «Неучёный мулла веру портит».

Вследствие такой оплошности в воспитании некоторая часть молодёжи растёт неузнаваемо развязной, легкомысленной, хилой, мешковатой, попадают даже трусишки, малодушные, шкурники.

Некоторые не умеют ездить верхом, боятся лошади – просто стыдно называть таких казахами; лепечут какую-то ерунду по-казахски, похожую на какую-то тарабарщину.

Я только перечисляю кажущиеся мне недостатки в воспитании молодёжи, убеждённо преклоняясь до сырой земли перед положительной стороной воспитательной работы благородных качеств джигита системой воспитания нашего времени. Всё хорошее в прошлом казахского народа должно восторжествовать в настоящее время. И золотая казна народной мудрости должна стать нашим достоянием, обогатить наши знания и опыт, оказать услугу делам нашим. Подвиги славных казахских джигитов Едиге, Кобланды, Бекета, Наурузбая, Исатая, Махамбета, Амангельды, Алпамыса и других должны стать традицией современных джигитов – ах, как жаль, что молодёжь их мало знает!

Долг службы и совесть воспитателя джигитов-солдат обязывают меня обратиться к Вам с этим личным письмом, так как, по моему личному мнению, – возрождение благородных традиций нашего народа, обогащающих вкладом своим систему воспитания молодёжи, немислимо без вмешательства таких государственных мужей, как Вы. Извините, что отнял у Вас столько времени этим письмом».

ВОСПИТАНИЕ МУЖЕСТВА

Война не является новостью для человечества, и когда я буду говорить о боевых действиях, о бое, то должен предупредить, что я не собираюсь открывать Америку, хочу лишь по-своему обобщить и передать вам виденное и пережитое.

Что такой бой? Мы, сами военные, даём разные определения понятию «бой», даже в уставе Красной Армии имеется шесть определений его, так как со временем всё меняется. Я всё же буду излагать свою точку зрения, но предупреждаю, что она не является окончательной. Бой – это есть организованное воздействие на противника. (Ведь воздействовать на человека, на группу людей можно по-разному: умом, психикой, силою техники и оружия.)

Итак, бой – организованное воздействие на противника (умом, огнём, психикой), причём огневое воздействие выступает как продукт воздействия умом и как средство психологического и физического воздействия.

Современный бой как тактическое понятие, когда – обе стороны насыщены техникой – есть огневое состязание сторон. Организованное применение огневых средств, основанное на принципах уставных требований (обобщённого опыта) принято называть системой огня. На ней зиждется стойкость боевого порядка войны, ибо решающее в современном бою и в обороне, и в наступлении – огонь в сочетании с манёвром войск. Победит тот, кто окажет большее огневое воздействие на живую силу и технику противника, кто сумеет взять инициативу, создать гибкое огневое управляемое преимущество, сосредоточить веер траекторий в нужном направлении в нужный момент. Следовательно, управлять боем – значит управлять огнём, создать массу огня над головой противника, прижать его к земле, ко дну его окопов, траншей, ослеплять и поражать амбразуры, тем самым, беспощадно истребляя вражеские силы, беречь свою собственную силу.

Пехоту беречь только огнём и огнём, очищая и прокладывая ей путь. Огнём, огнём и огнём – только невежда в военной форме может стремиться грудью пехоты пробить огневой щит – полосу смерти перед передним краем обороны противника. (Таких ура-идиотов, к глубокому сожалению, немало.) Только в бою испытываются все качества человека. Если в мирное время отдельные черты человека не проявляются, то в бою они раскрываются. Психология боя многогранна: нет ничего незадеваемого войной в человеческих качествах, в личной и общественной жизни. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Бой срывает маску, напускную храбрость. Фальшь не держится под огнём. Мужество или совсем покидает человека или проявляется во всей полноте только в бою.

Многие из вас читали мою первую повесть «Волоколамское шоссе», написанную под литоработкой А. Бека. Когда я был в Москве, то беседовал с писателями и журналистами – эти штатские люди в военной форме имеют очень слабое представление о войне. Мне сказали, что в первой повести у меня солдат идёт в бой не умирать, а жить. Как же, спрашивают, это может быть: кругом летят тысячи пуль, снаряды, осколки, разве можно здесь остаться живым? А я утверждаю, что надо именно так пояснить солдату, но пояснение это обосновать как следует. У многих создаётся впечатление, что громадное насыщение техникой и средствами истребления – это и есть так называемая мясорубка, раз попал туда, так уже не выберешься.

Я считаю, и написал об этом, что война не является мясорубкой, так как средства истребления сторон одинаковы. Объём истребляемости и способность истреблять зависит от искусства солдат и офицеров. Для умеющих воевать война в некоторой степени лишается поголовно уничтожающего характера.

Основа искусства боя, как уже говорилось, – огневое воздействие на противника, истребление его живой силы, сохранение собственной живой силы. В этом заключается сущность искусства ведения боя.

Идея боя – это выиграть его без потерь, искусство – выиграть бой с наименьшими потерями. Говорят, что в бою много случайностей. В бою нет случайностей, есть неожиданности для противников. Победа или поражение вполне причинны и закономерны. Случайностью прикрывается всякая расхлябанность офицера и солдата, поэтому случайность не может быть оправданием недобросовестной и необдуманной служебной деятельности офицеров и солдат. Но, представьте себе, эти оправдания глубоко сидят в сознании многих. Почему я так пишу? Да потому, что многие ищут оправдания собственной нерадивости в случайности. Нет, война не является оправданием недобросовестных действий офицеров и солдат. Конечно, это касается и не военных. Приведу такой пример: я когда-то, до войны, ехал с Дальнего Востока. Обслуживающий персонал международного вагона был предупредителен и вежлив, а когда некоторое время спустя пришлось ехать, так слышал зачастую грубость. Но ведь вагон тот же, и четыре колеса остались те же. Вот и словом «война» многие стараются оправдать свою расхлябанность. Даже в бою среди солдат и офицеров приходится слышать, что «война влияет на всё». Правильно, но это не значит, что должна царить анархия в абсолютном смысле. Говорят: «Ведь мы не на парад идём, а на войну». Кстати, что такое парад? Это – смотр сил. Какая разница между парадом и войной? Настоящий парад, настоящий смотр боевых сил, самое всестороннее, самое жестокое испытание для них – война. Вот на этом настоящем параде, где решается судьба каждого, судьба народов, судьба страны, более всего, чем когда-либо, нужно быть строгим, подтянутым, достойным. И никакой расхлябанности!

Бой не страшен, так как человек воюет с человеком. Если бы человек воевал с каким-то сверхъестественным существом или зверем – это другое дело, но когда человек воюет с человеком, они имеют одинаковые средства воздействия, бой в абсолютном смысле этого слова не страшен. Я не собираюсь спорить с врождёнными трусами, ибо кто боится, у того двойится. В бою находят своё предельное выражение и проявление все присущие человеку качества. Эти чувства можно разделить на две группы: высшие чувства – долг, благородство, мужество, отвага, храбрость, героизм; низшие чувства: измена, низость, боязнь, страх, ужас.

Разум, инстинкт, интуиция являются как бы командными инстанциями в человеке. На некоторых вопросах сознания и чувства человека в бою в последнее время заострилось внимание. Рассуждения об этих вопросах идут как в окопах, блиндажах, так и в домах за стаканом чая, в редакциях, в писательских кабинетах. Я хочу изложить некоторые понятия психологического порядка. Думаю, что они пригодятся нам в дальнейшем.

Опыт Великой Отечественной войны ещё раз убедил нас, что победа одерживается силою духа, успех зависит от морально-нравственных сил войск. Материальные средства и современная техника являются материальной базой и средствами борьбы. Основа основ – это живой и сознательный человек.

Морально-нравственные качества человека определяются словами – духовная сила. Основными источниками и двигателями духовных сил являются: ум, чувство, воля. Направленная и целеустремлённая работа над этими тремя элементами человеческих качеств является предметом воспитания.

Что такое страх? Этот вопрос до некоторой степени проблемный. Многие военные, то есть штатские в военной форме (к ним я отношу корреспондентов, случайных штабных офицеров), отрицают страх как таковой, они даже возмущаются: «Как так? Наша Красная Армия бесстрашна! Как в нашей армии может существовать страх! Наша армия непобедима!» И вот даже здесь, в тылу, мы не отделались от этой болезни. Ни один «бельсендзь» не хочет понять, что страх как явление существует везде, во всех армиях (т. е. как чувство, прису-

щее живым, с душой, сердцем, людям). А названные мной люди возмущаются, называют это трусостью, приписывают нам политическую недалёкость и прочее. Этот вопрос вызывает очень много споров и среди наших военных, и некоторые пытаются себя обмануть и говорят, что страха нет.

Я хочу высказать свою точку зрения по этому вопросу. Что такое страх? Бесстрашие как таковое вообще в природе не существует. Бесстрашных людей нет на свете. Страх присущ всему живому и вездесущ, свойствен не только человеку, животному, но даже и растению. По крайней мере, за два с половиной года, за сто с лишним боев, я ещё ни одного бесстрашного человека не встречал. Никто, сознавая опасность смерти, не идёт в бой без страха, а если иногда и идёт, значит, не сознает опасности, но это не есть бесстрашие. Страх испытывает каждый и множество раз в жизни. Если вам принесут сейчас повестку из военкомата явиться туда, прислушайтесь к своему сердцу, с момента вручения повестки вы почувствуете страх. Я утверждаю: страх военной службы, начиная с повестки, страх военного похода, страх перед боем, страх в бою заканчивается страхом в атаке. Но как мы будем отрицать то, что присуще человеку и вполне нормально? Наоборот, изучая это чувство, мы должны ему противопоставить другое, но не нужно говорить – страха нет. Бесстрашие и трусость – есть результат борьбы страха с долгом. Есть страх, но он преодолевается. Есть понятие боязни, есть малое и большое чувство страха. Страх преодолевается принуждением вообще. Каким принуждением? Прежде всего, внутренним, тем, что мы называем психологией личности. Многие литераторы, когда описывают героические подвиги, не описывают внутреннюю борьбу. Нужно раскрыть – в результате какой борьбы и каких психологических переживаний пришёл воин к позору или к славе. Вот тогда образ солдата и офицера будет более живым, более ярким. Страх преодолим, и преодолевается он, во-первых, внутренним принуждением, во-вторых, принуждением внешним, то есть общественным воздействием.

Надежда на жизнь согревает сердце, каждый солдат – человек и, как всякий человек, хочет жить. Желание жить и вырабатывает инстинкт самосохранения, солдат защищается и нападает. Дело в том, что инстинкт самосохранения имеет две стороны: первая – человек бежит с целью самосохранения, вторая – человек с этой же целью нападает и защищается. Я считаю, что эту вторую сторону в человеке надо развивать, так как она толкает на защиту, на нападение. Инстинкт самосохранения заставляет убивать другого, а это гораздо труднее, чем умирать самому. Среди гражданских людей найдётся ли такой, который смог бы кого-нибудь убить? У него будут дрожать руки и вообще он не сможет это сделать, а солдат это сделает. Он с целью защиты и сохранения одной жизни уничтожает другую. Почему он это делает? Кто дал ему такое право? Чем оправдывается это убийство на войне? Почему на поле боя это подвиг, а в тылу преступление? Дело в том, что на войне человек уничтожает того, кто хочет уничтожить его! Намерение противника убить даст право самому убивать! Это убийство морально оправдывается выполнением воинского долга на поле боя. Почему я так подробно остановился на этом вопросе? Я не хочу вас учить, но вокруг него возникают недоразумения: у нас есть всякие люди и обычно некоторые из них говорят, что инстинкт самосохранения нужно подавлять, отрицают страх, хотят видеть только отвагу. (Желание вполне нормальное и, безусловно, благородное, но далеко не реальное.) Страх имеет чины. Есть страх рядовой, унтер-офицер, офицер – вплоть до генерала и выше. Некоторые боевые операции решал не генерал, а страх: длительное беспорядочное отступление войск – это всё дело рук генерала-страха.

Один сопротивляющийся солдат – есть серьёзная и непреодолимая преграда для десяти наступающих – в этом убеждает нас опыт боев. Когда говорят, что какой-то генерал бежал, это не он бежал, а страх гнал его войска. Повторяю: войной и боевыми действиями управляют два генерала: войсковой генерал и генерал – страх.

Второй – вездесущий, секретный, генерал-невидимка. Его действия молниеносны. Первый постоянно ведёт непримиримую борьбу и завязывает крепкую дружбу со вторым с точки зрения выгоды для себя (при удобном случае нагоняет страх на неприятеля и тем самым пользуется его услугой). Генерал-страх – генерал стихии. Он боится смелого солдата, а трусливого маршала за ворот берёт. История наших дней знает немало фактов, когда генералу-страху неоднократно удавалось разрешить операции даже крупного стратегического масштаба.

Итак, повторю ещё раз – страх испытывает каждый и множество раз: страх казарменной жизни, страх военного похода, страх перед боем и страх во время боя, и так далее. Уместна здесь будет казахская народная поговорка «Ерді намыс, қоянды қамыс өлтіреді» – «Джигита убивает гордость, зайца – страх». Эта поговорка – военные мысли нашего народа. Многие считают нас, казахов, пастушеским племенем, и даже когда мы стоим в военной форме, на нас смотрят, как на экзотическую фигуру. Надо смотреть на нас как на народ, на людей. Если мы пороемся в своей памяти, оказывается, у нас есть много военных творений. Эту поговорку можно перевести на русский язык так: «Мужу честь дороже жизни», «Благородному человеку честь дороже жизни». «Өлімнен ұят күшті» – «Бесчестье – позор, оно страшнее смерти». «Өмір үшін өлгенше соғыс». «Жаным арымның садағасы» – «За жизнь дерись до смерти». Чувство благородства, чувство совести, чувство гордости – все благородные черты человека помогают нам, бойцам, преодолевать страх внутри себя, а потом и вовне...

Возвратимся к выводу, что страх присущ всему живому, бесстрашие рождается в результате борьбы со страхом чувства долга. А что такое чувство долга? Это чувство благородства, чести, совести – это значит, что человек ограждает себя от всего низкого, то есть лучше с честью погибнет, чем примет позор. Бесчестье – страшнее смерти. Вот на этом поставим точку.

Что такое героизм? Это не врождённое качество человека, а результат правильного воинского воспитания. Тот, кто видит отвагу и героизм в кулачном бою, тот ошибается. Героизм – не дар природы, а результат воинского воспитания, сознательного принуждения себя идти на опасность для выполнения долга, ограждая себя, прежде всего, собственную честь и благородное достоинство гражданина от чувства стыда, низости и позора, соревнуясь с подобными себе в благородстве, равенстве, разделить не только благо жизни целого коллектива, но и опасность, стремление обезопасить себя и соотечественников путём наибольшего истребления врага, беспощадного мщения за зло злом, за смерть смертью, за кровь кровью.

Смелость – есть сочетание расчёта действия с риском. Риск оправдывает расчёт. Без расчёта риск не оправдан. Лихость – есть сочетание ловкости со смелостью. Лихость без ума – самодурство. Ловкость – результат строго последовательного воспитания (тренировки) ума, быстроты мышления, дисциплинированного тела, послушных мускулов для молниеносного действия.

Следующий вопрос – солдат. Это один из самых сложных вопросов. На сегодня справедливо будет сказать, что все произведения на военную тему не раскрывают образа солдата. Солдат в них – некое отвлеченное дитя человечества.

Но вернёмся к страху. Приведу один отрывок – «Страх в бою», написанный мной 27 мая 1942 года:

«Бой – испытание всех человеческих качеств, в нём проверяется и решается всё. Бой срывает маску, ложь, напускную храбрость – фальшь не удержится под огнём. В бою не скрыть уходящую в пятки душу. Мужество или совсем покидает, или проявляется со всей полнотой только в бою. Боец силен своим оружием, но в руках слабого самое мощное оружие бессильно, так же как сила гигантского богатыря ничтожна перед самым ничтожным оружием стойкого воина.

Стойкость – щит смелых.

Спасение не в бегстве, а в защите и нападении.

Кто не защищает, тот погибает.

Без риска нет победы.

Побеждает лишь тот, кто наступает – не ждёт смерти, а смело идёт на встречу ей, ибо он слишком любит жизнь, чтобы бояться смерти, и во имя жизни и свободы отчизны идёт в бой. В бою жизнь никем не дарится, а завоёвывается, бой пощады не знает.

Опасность в бою из мнимой становится реальной, непосредственной близостью – смерть окружает, наступает, атакует на каждом шагу сто, тысячи раз. Рядом падают товарищи, свистят тысячи пуль, воют, жужжат разными голосами мины, снаряды, шлёпнувшись о преграду, с сильным треском лопаются, со свистом разбрызгивая во все стороны бесформенные осколки разной величины, режущие, калечащие, убивающие всё то, что встречается на пути, острием и скоростью своей, поднимая взрывом своим громадный столб черного, густого дыма взрывчатки в смеси с землёй, грязью, щепками и разорванными в клочья телами жертв, превращая мясо и кости в окровавленные кусочки, кровь – в пыль, оставляя глубокую воронку на земле.

Поле, воздух – всё, всё дышит смертью. Проходит час – шестьдесят минут, в минуте шестьдесят секунд, в секунду – тысячи смертей, солдату приходится ползти, идти, бежать... Небывалый критический момент в жизни: чувство страха и чувство долга дерутся, царапаются, рвут друг на друге волосы – самые свирепые звери неспособны так жестоко бороться, как эти два чувства: «Ты погиб, твоя молодая жизнь пропала, тебя сейчас убьют или искалечат, изуродуют навсегда, твоё тело разорвёт в клочья, и никому тебя не найти и не похоронить. Спасайся, прячься, бежим, бежим скорее, бежим...» – говорит чувство страха, тянет, сильно тянет назад, или свинцовой тяжестью прижимает к земле, или хватает за подол шинели – не пускает вперёд. Руки бессильно опускаются, палец отказывается нажать на спусковой крючок, зрачки расширяются, глаза чуть не выходят из орбит, бояться не только целиться, но и смотреть. Ноги подкашиваются, колени дрожат. Лёгкие хватают воздух, задыхаясь неравномерным потоком, захлёбываются. Сердце усиленно-учащённо колотится в груди, всасывая кровь вовнутрь, оставляя поверхность мертвецки-бледной, полотняно-белой. Нервы туго натянуты, как струны, – всё это говорит: бежим, бежим без оглядки, спасаться. «Ты человек! Ты гражданин! У тебя есть чувство стыда, позора, низости – у тебя есть благородная личная гордость, гордость твоей семьи, гордость твоей нации – чувство долга. Ты не один, не тебе одному выпала эта участь, рядом с тобой твои соотечественники, твои товарищи по оружию, и они не хуже тебя, и они тоже хотят жить, как и ты. Неужели из-за одного тебя твою семью, твоих родителей, твой народ другие будут считать трусливыми душонками! Не накладывай на себя, на семью, на народ клеймо позора, чтобы другие не говорили, что у них слово Родина только на языке, а не в сердце. Не делай, чтобы они стеснялись произносить твоё имя и проклинали тебя навеки. Подумай! Если побежишь, то покроешь себя и своё поколение позором и проклятьем – все и

всё отрекуются от тебя: отрекуются от тебя отец и мать, как от изменника, и будут стыдиться смотреть в глаза соседям. Отречётся жена, и с горечью будет вспоминать тот несчастный день, когда решила стать твоей женой. Отрекуются дети – милые дети твои – и будут они самыми несчастными из всех несчастных. Они будут стесняться носить твоё имя и будут скрывать, кто был их отец. Отрекуются товарищи, земляки, с которыми ты не хочешь поделить горечи, трудности, опасность. Если тебя поймают – то расстреляют как предателя, изменника, предадут справедливому позору, твоей кровью союют позор коллектива. Расстрелянный, будешь валяться без чести, без совести, как падаль-дохлятина. Подумай, бегство – не спасенье, это низко и тяжело, страшнее смерти.

Тебе никто жизнь дарить не будет, иди, завоевывай сам. Имей честь. Набирайся мужества: хочешь жить – убей тех, кто пришёл убить тебя и твоих товарищей, тогда будешь жив. Товарища спасёшь – слава и честь тебе. Героем назовут тебя – все гордиться будут тобою. Быть может, станешь калекой – это лучше, чем быть калекой совести, презренным всеми. Быть может, погибнешь, выполняя свой долг, – вечная память и слава, скажут тебе, с гордостью вспоминать будут. Мужайся! Вперёд!» – приказывает чувство долга. В момент этой внутренней борьбы у солдата, когда чаша весов попеременно колеблется то в одну, то в другую сторону, когда солдат находится под двойным гипнозом этих чувств, большое значение имеет команда. Команда командира, его повелительный, не терпящий возражений тон, уверенная, спокойная интонация – есть приказ Родины сыну, вселяющий в душу уверенность, поддерживающий силу воли, психику, дающий толчок для выполнения долга, вырывающий воина из рук малодушия, позора, вселяющий боевой дух, спасающий гибель его совести от заманчивой, но мерзкой психологии – от чувства страха.

Вот почему выше я говорил: «...управлять боем, управлять психикой...», вот почему неопределимо велико значение команды командира в бою, не только как средства управления, а как средства, завершающего победоносную борьбу чувства долга над чувством страха. Преодолев чувство страха, воин среди множества опасностей чувствует себя спокойным (разумеется, относительно), верит в силу своего оружия и разумно, хладнокровно, расчётливо действует на поле боя; иногда, разъярённый чувством накипевшей ненависти к врагу, которую он выстрадал, забывая даже о самосохранении, бросается на опасность и преодолевает её.

* * *

Что такое мужество? Основа мужества – гордость. Давайте разберём, каковы источники гордости. Опрятность, чистота тела и души порождают личную гордость и самодисциплину, требовательность к себе и окружающим. Внешняя расхлябанность – признак внутреннего убожества человека. Грязь разлагает человека. Неряшливый в быту – неряшлив и в службе, и в работе. Если работник внешне расхлябан, он такой же и в работе; если человек аккуратен, он таков и в работе. Внешняя опрятность – признак внутренней собранности, самодисциплины, требовательности к себе и к окружающим. Вот на этом мы и остановимся.

Что такое личная гордость? Личная гордость порождает отвагу. Негордый отважным быть не может. Что такое национальная гордость? Национальная гордость есть личная гордость в нации, есть сумма гордости личностей той или иной нации, национальная гордость – нерушимый закон для всех личностей в нации. Тот, кто не уважает свою нацию и не гордится ею, – безусловный подлец и бродяга. Уважая себя, можешь уважать других; являясь полноценной личностью данной нации и гордясь своей нацией, ты можешь достойно относиться и к

другим народам. К примеру: русские должны быть глубоко русскими для того, чтобы быть интернационалистами. Есть два понятия: национальный дух – это благородная черта, национализм – это порок личности в нации. С этим вопросом надо разобраться. Некоторые с лёгкостью путают национальный дух или национальный патриотизм с национализмом. Надо уметь различать национальный дух и национализм. Национальный дух имеет прекрасные свойства, познание своей нации, и нам надо развивать эти благородные черты. Человек, обладающий национальным духом, глубоко и возвышенно понимает свой долг перед отечеством, перед своим народом и братством народов.

Все народы способны на великое и прекрасное. Великое чувство братства народов подверглось в этой войне большому испытанию, и оно выдержало это испытание. В этой войне ни одна из народностей и национальностей Советского Союза не имеет права воевать хуже другой. Предположим, что один народ плохо воюет: какое же основание уважать этот народ? А тот народ, который воюет хорошо – достоин глубокого уважения.

Каждый солдат задаёт себе следующие вопросы: «Кто мы были такие? Кто мы есть? Какими мы будем?» Если кому-нибудь из вас скажут: ваш дедушка был хороший человек, вам будет очень приятно, и поэтому, когда нас будут спрашивать – кто мы, мы должны отвечать так, чтобы чувствовалась гордость за наше прошлое, за наших достойных предков.

Кто мы есть? Кем мы будем? На это нам надо отвечать: неплохие люди есть, а будем ещё лучше. И большую роль в этом должны сыграть обучение и воспитание. Что такое обучение? Это – путём муштры прививать технику солдатского ремесла. Доводить все приёмы до автоматизма, чтобы солдат действовал, как гимнаст, выполняющий упражнения на снарядах. Воспитание прививает человеку благородный нрав. В воспитании первое – сознательность, это главное, а принуждение – подсобное средство. Воспитание тупой покорности означает, по существу, полную моральную подвластность человека. Нужно склонность к послушанию превратить в мощное и гибкое средство пробуждения и развития человеческого достоинства. Тупая покорность – враг благородной покорности гордого человека.

В армии должна быть строгая дисциплина, основанная на чувстве глубокого уважения человеческого достоинства. Воспитание мужества: осторожность в верном сочетании с решительностью – основное качество героя. Необузданная смелость без рассудка – не храбрость, а самодурство, и геройством её назвать нельзя. Наши художники позволяют себе такую глупость: нарисуют немца так, что получается какая-то чудовищная карикатура-страшилище. Вот я солдат, никогда не был в бою, но скоро пойду воевать и смотрю – там зверь-великан, которого и на свете-то нет. И это называется пропагандой; это союз художников помогает воспитывать – ненавидеть, но на самом деле он оказывает медвежью услугу, ибо этим он только пугает молодого солдата. Есть и произведения писателей, в которых немец описывается страшилищем – это ложь. Некоторые говорят, что немцы не люди. Я с этим не согласен и своим солдатам говорю, что это люди, но с развращённой натурой, что в их жилах течёт такая же кровь. Нужно убедить бойца, что немца можно проткнуть штыком, убить пулей, что и ему присущ страх. Другая крайность – немца показывают совершенно ничтожным трусом. Будто бы, если один наш боец крикнет «ура», немцы сразу побегут. Я за два года не видал таких немцев. Они сопротивляются, им присущи как страх, так и мужество.

Не следует показывать противника ничтожным, скрывать его боеспособность, его способность к сопротивлению. Всякая карикатурная крайность о

противнике не только недостойна, но и уродлива. О противнике нужно говорить правду – только на правдивых примерах можно воспитать и ненависть, и бесстрашие. Воспитание в данном случае имеет целью выработать в человеке качества воина. Это достигается привитием убеждения, что преданность семье, народу, родине, государству, уважение к старшим, соблюдение законов, порядка, обычаев и традиций неразрывно, органично связаны с личным благополучием, что забота об общественном благе является жизненной необходимостью и духовной потребностью, что только правильное отношение к общественным нуждам (от каждого по способностям) награждается общественным благополучием. Воспитание этих понятий вводится в сознание и вырабатывает самостоятельный характер индивидуума для осознанной деятельности; нравственный облик его должен быть чуждым страху и рабскому поклонению, что и составляет путь безграничной любви и доверия к государству, народу, исходящую от чистого сердца.

Казахи говорят: «Кісі елінде султан болғанша, өз елінде ұлтан бол» – «Человек безгранично предан, когда он счастлив, а счастлив он лишь там, где ему верят, где его любят».

Остановлюсь на некоторых психологических понятиях. Как я понимаю, например, что такое «ум», «чувство», «воля» и другие?

Ум – это сила, познающая предметы и явления. Он их тонко различает и определяет, то есть человек, вбирая впечатления чувствами своими, передавая их нервам, быстро обрабатывает их в мозгу, давая ясный ответ, представление или образ происходящего. Работа ума отражает душевное состояние человека. Её мы часто членим на отдельные понятия.

Мышление – есть высшая ступень познания, отражения объективной действительности, связанная с последовательной обработкой впечатлений.

Уверенность – это ясное представление о предметах и явлениях, отчётливое понимание совершающегося и ясное представление о его последствиях. Уверенность порождает жажду успеха, поднимает энергию, отдаёт вполне определенные распоряжения или вызывает личное действие – стремление к немедленной деятельности.

Сомнение – есть колебание ума о результате неясного и неотчётливого представления, понимания и обработки впечатления. Сомнение есть разновидность боязни. Колебание на войне – весьма опасное, часто пагубное душевное состояние, не дающее возможности на что-нибудь решиться, что-то предпринять, доводящее часто до состояния растерянности, когда начинают путать и сбивать с толку и других. Из практики мы знаем, что сомневающийся командир, как правило, избегает личных распоряжений, передавая свои обязанности заместителям или отдавая неясные, неконкретные приказания общими словами, страхуя себя от последствий отговоркой, что его «подчинённые просто не поняли». В народе это называется «с большой головы сваливать на здоровую». Я сам лично трижды чуть не пал жертвой несостоятельности ума моего начальника, что помогло мне разобраться в понятии «сомнение».

Память – это способность ума воспринимать, сохранять и воспроизводить по своему желанию пережитые впечатления. В военном деле память служит основанием опыта. Она сортирует, обобщает явления для дальнейших полезных действий, участь на уроках удач и неудач. Конечно, личный опыт – великое дело, он оставляет глубокий след в мозгу, но всё же он узок, поэтому должно особо уделять внимание памяти и опыту других, изучению и обобщению его, это является долгом любого мыслящего офицера, средством к его личному росту. Нам справедливо предлагается учиться на опыте, изучать и обобщать опыт других.

Скука – отсутствие умственных интересов, отсюда малые способности и слабая деятельность. Скуку порождает назначение на должность не по призванию,

на работу, чуждую природным данным. Народ говорит: «Насильно мил не будешь», «Не в свою колею попал», он чувствует себя «не в своей тарелке». Всегда следует избегать возможных противоречий природных данных, дарования человека со служебными требованиями. Отсюда закономерно требование изучать кадры с целью определения, кто к чему способен, кого и где целесообразно и выгодно использовать, а не вообще назначать. Недоучёт всего этого приносит огромный материальный ущерб и ненужные жертвы, которых можно было бы легко избежать при правильном распределении и умелой расстановке кадров (включая и рядовой состав).

Рассеянность – в основном есть разновидность скуки, отвлечённости, несправедливости мышления, безразличного восприятия явлений, отсюда, как следствие, пассивность, слабая деятельность и тому подобное.

Мечтательность – размышления о несбыточном, но всё же страстное желание. На войне мечтательность часто является двигателем, наталкивающим на творческий путь в решении реальных задач.

Притворство – ложное, искусственное создание впечатлений, на войне – самое великое несчастье, пагубный обман.

Лицемерие – искусственное сочувствие, понимание, признание, единомыслие – стремление выдать ложное за истину, скрывая последнюю. Всё это является часто результатом того, что «попал не в свою колею». Верным средством преодоления лицемерия, ещё лучше – недопущения его, является ликвидация причин, породивших таковое, при формировании части или назначения на должность товарищей-офицеров. При невозможности – отучить методом принуждения.

Чувство – определенное состояние тела и души, то есть наша способность воспринимать внешний мир и реагировать на него. Чувства бывают: физические, или как иногда их называют – низшие, то есть те, которые определяются физическим состоянием организма (чувство боли, жажды, голода, холода и пр.). Духовные, или, как иногда принято называть, высшие – то есть возбуждаемые отвлечёнными представлениями – чувство любви, ненависти, злобы, гнева и такие понятия, как истина, чувство справедливости, правды, лжи, и тому подобных.

Впечатление – приятное или неприятное ощущение, вызывающее возбуждение или угнетение психики человека, которое порождает или вызывает подъем или упадок сил и энергии, влияя непосредственно на деятельность, как физически, так и в духовном смысле этого слова. Нам важнее всего знать, изучать и понимать высшие проявления чувств как моральных факторов и нравственных основ в воинском воспитании боевых качеств.

Долг – это высшее интеллектуальное понятие, вобравшее в себя ум, чувство, волю, совесть, честь, справедливость, правду, любовь, противопоставляя им противоположные явления в человеческой деятельности.

Ранее я более подробно говорил о долге, здесь же считаю необходимым попутно остановиться на следующих определениях: сознание долга называется совестью. Совесть – нравственное понятие, определяющее, что такое добро и зло, правда и ложь, справедливость и прочее. Это чувство душевного равновесия, регулирующее деятельность человека в зависимости от его представления об истине, правде и справедливости, определяющее, насколько выполнен или не выполнен долг (отсюда рождается то бодрость, то угнетение), указывающее, отчего следует воздержаться, что надобно делать. Короче говоря, совесть – контролёр долга, регулятор человеческой деятельности. Гордость – есть сознание личного достоинства. Желание ценою даже жизни сохранить достоинство, высокий моральный дух называется честью. Стыд – сознание непоправимости совершенного поступка. Запятнанное самолюбие, униженное достоинство

морального духа – позор. Уверенность на войне, в бою – чувство превосходства над противником, чувство собственного достоинства. Уверенность достигается знанием дела и подъёмом воинского духа.

Воодушевление – подъем душевных сил, стремительный поток энергии, бодрости. Средствами воодушевления войск являются: воздействие обаянием, чуткостью, уважением человеческого достоинства, личный пример начальника, советы, доходчивые разъяснения, простая задушевная речь, остроумие, уместная шутка, игра, музыка, пение боевых и других песен, танцы, пляски и иная самодеятельность в подразделениях. Последней необходимо уделять особое внимание, так как солдат больше воодушевляется, чувствует себя свободнее в этой немудрёной затее своих сослуживцев, чем на представлении профессиональных артистов, где он ощущает себя всё-таки больше зрителем и смотрит на них именно только как на профессионалов.

Взаимная выручка или чувство коллективизма – важный и обязательный элемент воинского долга, благородная черта стадного – общественного чувства товарищества. Способность сочувствовать товарищу в беде есть результат воспитания в человеке чувства помогать в достижении общей цели, стремления всеми силами и способностями своими не допустить разрушения боевого коллектива, сознавая, что гибель товарища означает прямую угрозу ослаблению его, уменьшает шансы на достижение общей цели и личное самосохранение. Это чувство является моральным основанием командования и подчинения, боевой спайки, боевого содружества, оно основано на принципе «один за всех и все за одного». Таким образом, офицеры обязательно должны уделять особое внимание воспитанию, привитию и укреплению у солдата этого чувства единства, ведущего к общей цели. Укрепляют и развивают его народные воинские традиции, а также единая форма одежды, единообразие обучения приёмам боя, внушение единства целей, сознание, что слабость подразделения – его слабость. Позор подразделения – его позор. Слава подразделения – его слава. Честь подразделения – его честь. Неудачи подразделения – его неудачи. Успех – его успех. Боевой коллектив, в котором он находится, – его семья боевая, с судьбой которой неразрывна связана его личная судьба и участь.

Здесь я не привожу ни одного абзаца из прежних моих записей о страхе, но всё же в дополнение к ним считаю необходимым сказать несколько слов в порядке классификации этого присущего всему живому чувства.

Боязнь – чувство, порождаемое ожиданием боли, страдания и прочих неприятностей. Страх – чувство, вернее, состояние ожидания возможно смертельного исхода и прочих сильных неприятностей и физических страданий. Ужас – последующий рост страха, парализующий сознание и чувства своей неожиданной внезапностью, доводящий человека до состояния ослепления, оцепенения, превращающий его в бесчувственное существо – живой труп, мускулы и нервы которого перестали служить, иначе говоря, полная дезорганизация человеческого «Я». Паника – распространение страха на толпу. Боязнь, страх, ужас, паника вызываются теневой стороной инстинкта самосохранения, жадной спокойной жизни и безопасности.

Эти чувства понижают работу ума и воли, разрушая нормальную деятельность органов чувств, вызывая судорожное сокращение мускулов, частое сердцебиение; они делают возможным потерю управления умом, чувствами, лишают воли, уравновешенности, человек попадает во власть низких чувств, животного инстинкта самосохранения. Эти чувства, присущие всему живому, легко подавляются и уничтожаются противоположными душевными силами – интеллектом, высшим сознанием человека – мужеством, самообладанием, сознанием

собственного достоинства, долгом, совестью, честью, строгой воинской дисциплиной, личным примером командира, властной его волей, его авторитетом, повелительной интонацией в голосе при отдаче команды и распоряжения, способной рассеять страх и породить уверенность у подчинённых, памятуя, что солдат всегда думает: там, где командир, меньше опасность; раз не боится командир, значит, не предвидится ничего страшного, но раз трусит командир, нет в нём уверенности, значит ожидается нечто грозное, страшнейшее. Эти чувства вызываются преимущественно неожиданностью, внезапными действиями противника врасплох и сознанием возможности быть убитым, которое разрушительно действует на психику. Вот почему воинский устав придаёт большое значение и отводит первое место вопросам боевого обеспечения, непрерывной разведке и охране, как имеющим огромное значение и в моральном отношении.

Властное и определённо ясное приказание и команда при первых же признаках страха действуют отрезвляюще, восстанавливают равновесие духа и возвращают мужество даже застигнутым врасплох и давшим «драпака». Только умение правильно воспитывать, воздействовать на психику подчинённых и разумный приказ являются верными средствами предупреждения и недопущения, предотвращения страха, угрожающего чести оружия и знамени, жизни бойцов, спасения их от бесчестия и позора.

Отчаяние – чувство, сознание совершенной безнадёжности и безвыходности положения и ожидание неминуемой гибели. Так как для военного (такова его профессия) утрата жизни является нормальным следствием его ремесла, и воинский устав требует воспитывать способность к самопожертвованию, когда это продиктовано обстановкой боя, возможность личной гибели не может служить оправданием для военного (как это бывает со штатскими людьми). И хотя, казалось бы, сознание, что личная гибель не столь печальна, сколь велика эта жертва для большего блага – победы над врагом, исключает для военного понятие отчаяния, всё же оно до известной степени является общим чувством для всех (так как солдат живой человек и ему также присущи все человеческие слабости) с той лишь разницей, что возможность личной гибели для военного не является неожиданностью, он ежедневно, с минуты на минуту ждёт её, находясь на поле боя. Любая неожиданность не должна вызывать в нём оцепенения, а, наоборот, побуждать на ещё более энергичные действия и работу ума, воли и чувств. Жажда жизни, страстное желание выжить, победив смерть, – есть главная движущая сила в бою, делающая человека способным презреть смерть, заставляющая идти навстречу ей, с глазу на глаз с неудержимым гневом умерщвлять смерть именем жизни. Жизнь – знамя солдата. Вот почему я утверждаю, что солдат идёт в бой не умирать, а жить, что надежда на жизнь согревает сердце солдата. Он и умирает для того, чтобы жить...

Дерзновение – благородный порыв, когда воин решается на всё, на самое невозможное, готов с честью принять гибель. Воля вырывается из тисков безнадёжности и берёт верх, инициативу над всеми душевными и физическими чувствами и ведёт по пути, который неведом противнику, уверенному в невозможности такого поступка и в обречённости своей жертвы. Дерзновение является для противника совершенной неожиданностью, действует на него ошеломляюще, прежде всего морально, и он, изумлённый и поражённый решительностью, лишается способности немедленно что-то предпринять. И молниеносный эффект находит свой результат, сменяя отчаяние торжеством, хотя это и может быть связано со смертью, но такое редко случается с дерзавшим.

Итак, для военного, в конечном счёте, нет отчаяния, безнадёжности, надежды теряет лишь тот, кто никогда не владел ею по-настоящему. «Үмітсізден, үміт

кашады, үмітті асқар таудан асады» (от пессимиста надежда убегает, оптимист горы перешагнёт), как наставляют казахи.

Патриотизм – любовь к отечеству (государству) – осознание прямой зависимости личного благополучия от общественно-государственной безопасности, признание своей зависимости от государства, того, что укрепление государства есть укрепление личности. Короче, патриотизм объединяет понятие государства во всех его отношениях с личностью, с её прошлым, настоящим и будущим. Только любовь к отечеству может служить моральным оправданием убийства на войне, нравственным основанием военного дела. Всегда следует избегать толкования патриотизма отвлечёнными словами, общими местами без связи с интересами личности – подданного государства. Необходимо отметить один из важных элементов патриотизма, неизбежно сопутствующий ему. Это национальный дух или национальный патриотизм – любовь к своему народу, с которым личность связана кровным единством и общностью происхождения, территорией, языком, бытом, нравами, психологическими и этнографическими особенностями, сложившимися историческими традициями, имеющими вполне определенные и самостоятельные, отличные от других качества и особенности. Со всем этим нужно обязательно считаться и знать, для того чтобы направить это чувство в общее русло понятия патриотизма, любви к отечеству, к нации, используя его как могучее средство воодушевления войск.

Современный бой политически есть бой объединённых наций, в котором принимают участие с оружием в руках все народы нашего Советского государства. Только совместными их усилиями достигается успех. Каждый командир должен проникнуться мыслью о безусловной необходимости повседневной, практической и правильной работы над развитием чувства патриотизма. Совершенно недопустимо и очень вредно такое ошибочное и невежественное отношение, когда некоторые представители из среднего слоя великой русской нации думают и относятся к другим нацменьшинствам, как к людям «второго сорта». К сожалению, этим самым они оскорбляют в первую очередь, и прежде всего, великое достоинство своей нации, меняя главенствующее величие высокой идеи на знамени нации на нечистоплотную мелкость шовинизма. Это зло в отношении русских товарищей Калинин назвал «русотяпством». В практической работе следует всегда помнить, что ни в коем случае не следует путать понятие национализм и национальный дух, имея в виду, что первый о своей основе несёт антагонизм, а второй предполагает любовь и уважение к другим народам через любовь к своему народу.

В некоторых республиках не сохраняются основы национальной культуры и языка, что не делает чести их руководителям и коммунистам в первую очередь, ибо марксизм не допускает мысли об уничтожении этой основы, а, наоборот, предполагает развитие во всех отношениях национальной по форме, социалистической по содержанию культуры в интересах общечеловеческих, поэтому те, кто допускает раздробление этой основы, заслуживают всяческого осуждения и справедливого упрёка.

Зависть – сознание превосходства другого и собственного бессилия и ничемности. Успешная деятельность, физические достоинства, а также материальные блага у других вызывают зависть, так как каждому присущи стремление к деятельности, самомнение и уверенность, что он не хуже остальных. Успешная деятельность является результатом превосходства и находит своё выражение в форме славы, известности, популярности, общественного влияния и тому подобного. Всё это у завистника вызывает раздражение и душевные страдания, моральный гнёт, от которого он старается избавиться путём унижения соперника клеветой, распространением разных небылиц, замалчиванием его полезной

деятельности и справедливых заслуг. Завистник по своему облику всегда ниже того, кому завидует, или, на языке военных, доносчик и не стоит мизинца того, на кого доносит. Надо проверить скорее личность доносчика, чем человека, на которого он донёс. К сожалению, у нас поступают иногда наоборот.

Завистник – противная и вредная фигура, особенно в армии, так как он способен на неблагородные поступки и даже преступление. Даже пассивная деятельность завистника, выражающаяся в замалчивании заслуг и всяких препятствиях к общественному признанию полезной деятельности других, очень вредна. Она понижает продуктивность работы талантливых и способных людей, тем самым наносит огромный вред делу и общим интересам.

Честолюбие в первоначальном понятии – любовь к чести и основной двигатель воли. В отрицательном понятии – безнравственное стремление к славе. Стремление достичь похвалы, известности ценою безнравственных выдумок, ложной деятельностью, преувеличением действительно происходившего, выпячиванием своих заслуг. Единственным средством против честолюбия является суровая справедливость, умение тонко различать, находить и видеть отвагу. Каждому человеку присуще желание получить одобрение от сослуживцев и начальников за его полезную деятельность. Удовлетворять это чувство требует справедливость. Оно вдохновляет, придаёт энергию, повышает продуктивность работы. Ведь каждый жаждет внимания к себе, солдат хочет быть вознаграждённым за свои старания, не столь ценностями, сколь вниманием командира – представителя народа, государства, которому он так верно служит.

Скромнее солдата существа нет. Будьте чутки, внимательны и справедливы к нему. Параграф 14 полевого устава требует от бойца огромного напряжения всех сил, поэтому командир обязан проявлять в любых условиях заботу о нем. В уставе записано: «Знание своих подчинённых, постоянное личное общение с ними, внимание к их боевой жизни, подвигам и нуждам обеспечит командиру боевую спайку части (соединения) и успех в бою».

Много говорят о толпе. Что такое толпа? Толпа не армия, и армия не толпа. Итак, толпа – скопище людей. Сбор по различным причинам вследствие разных побуждений. Сбор людей с определенной целью и задачей, с соблюдением дисциплины, установленных порядков и правил принято называть организованными группами, обществом, по той простой причине, что вся деятельность участников планомерно подчиняется целям и задачам данного сбора, собрания. Отсутствие единства, целеустремлённости, организованности, стихийный сбор в силу низких психологических побуждений, отсутствие ясной, единой цели участников – есть понятие «толпа», справедливо вошедшее в наше сознание, как символ неорганизованности.

Потеря управления, то есть организации, дисциплины, следовательно единства и планомерности совместных действий превращает любую организованную группу людей в толпу, и большая группа людей становится лёгкой добычей малой по количеству организованной группы, и при первом же ударе рассыпается, лишённая способности к сопротивлению. Практика убеждает, что иногда терпят поражение не потому, что мало сил или техники, а лишь потому, что нет организованности, управления объединяющих в единое русло усилия многих в достижении единой цели, или управление в силу каких-то причин потеряно. Человек в этом хаосе совершает ряд бессмысленных, непоследовательных действий, теряется в толпе, как личность. Сознание, что найти ответственного за деяние толпы невозможно, порождает дурные побуждения, толкает на нарушение долга, на преступление, создаст полную безответственность, в то время как в организованном обществе человек боялся бы это совершить. Ввиду неспособности рассуждать, толпа легковерна и весьма

легко поддаётся внушению, поэтому властное, волевое распоряжение рассудительного человека, отданное с уверенной интонацией в голосе, в форме безотлагательного требования приводит толпу к моментальному повиновению воле вожака. В вожаке сосредотачиваются ум толпы, воля толпы, чувство толпы, что даёт безропотное повиновение. На поле боя вожак – человек действия, а не рассуждения. Он действием подчиняет волю.

Воля, как основная движущая сила, составляет основу деятельности, находит себя и развивается, объединяя частные воли в общую силу, создавая органическую независимость воли подчинённых воле начальников, то есть повиновющихся и повелевающего. Общая твёрдая воля, выразителем которой является командир, даёт всем возможность равномерного, уверенного действия, повышения твёрдости, стойкости и энергии в соответствии с обстановкой. Слабая воля командира лишает подчинённых устойчивости, разрушает равномерность действия, раздробляет духовные силы и материальные средства борьбы, создаёт беспорядок. Слабая воля командира чаще всего проявляется в частой отмене приказов или неопределённости, неконкретности, туманности в распоряжениях и личных действиях. Общая твёрдая воля – спутник победы. Слабая воля – предвестник поражения. Недаром говорится: «лучше иметь стадо баранов под командованием льва, чем стадо львов под командованием барана».

Армия – государственная вооружённая сила, организованная, дисциплинированная для защиты государства от внешних и внутренних врагов, где духовные и физические силы человека подчинены строгой дисциплине. Работа ума, чувства, воли в армии находят развитие и проявление в специальном (военном) направлении познания военного дела и выполнения специальных военных обязанностей. Обобщение, направленность и целеустремлённость людей в армии как организованной силы зиждется на подчинении и командовании, имея в своей основе сознание воинского долга. Армия объединяет все частные воли в общую волевою силу, органически создавая зависимость подчинённых от начальников. В армии существует общая воля, выразителем которой является командир. Следовательно, армия – самая сознательная и разумная группа людей, которая проникнута высокими, благородными чувствами, твёрдой волей, прекрасной организованностью. Здесь несколько слов скажу о том, как я понимаю волю и сопутствующие ей чувства.

Воля – способность к самостоятельному здравому и разумному решению и проведению его в жизнь, то есть согласованные действия ума и чувств, подчинение последних первому. Твёрдая воля заглушает страх, тяжёлые впечатления боя, преодолевает утомление, голод, холод и прочие невзгоды и физические страдания, подчиняет себе солдат, посылает себя и других на опасность для достижения цели. Короче говоря, воля есть двигатель, средство преодоления препятствий на пути к цели.

Храбрость – умение вести себя на поле боя в строгом соответствии с занимаемой должностью, воинским званием, обстановкой в интересах выполнения задачи. Обычно принято понимать под храбростью необычайно сильное повышение деятельности нервной системы, подъем физических и духовных сил, чтобы достичь цели хотя бы ценою личной гибели, что мне кажется не совсем, не всегда и не везде верно. Такие действия чаще всего относятся к понятию решительность. Совокупность ума, воли, энергии, самообладания, настойчивости, инициативы, решительности характеризуют понятие мужество.

Трусость – отсутствие воли и самообладания, вследствие чего – забвение воинского долга, чувства собственного достоинства, проявление темных сторон инстинкта самосохранения. Нерешительность – колебание силы воли, доводящее до растерянности и бездействия. Устав требует и наставляет, что

лучше принять какое-либо решение, чем не предпринимать ничего. Упрёка заслуживает не тот, кто в стремлении уничтожить врага не достиг цели, а тот, кто, боясь ответственности, остался в бездействии и не использовал в нужный момент всех сил и средств для достижения победы.

В воспитании качеств настоящего воина большое значение имеют традиции и дисциплина. Традиция – документальные, словесные предания (легенды) о воинской доблести в прошлом, в характере данной части в настоящем. Новобранцы очень восприимчивы и впечатлительны, на них очень сильно действуют примеры старых служак, разговоры, рассказы, образы и внушение. Всякому человеку присуще желание подражать героям. Воспитание на принципах подражания примерам героев прошлого и настоящего формирует у новобранца традиционные представления и понятия о воинской доблести и стремление быть не хуже и службу нести не хуже, чем его предшественники, о которых вспоминают с благодарностью, рассказывают легенды, поют песни и возвышают как образ. Сохранять, укреплять и умножать традиции – святейший долг и обязанность командира перед памятью предшественников, украсивших знамя славой ценой крови и жизни.

Воинская доблесть – самоотверженная решимость одержать победу, не считаясь ни с чем. Воинская доблесть слагается из дисциплины и мужества, умения, здоровья, силы, бодрости. Военачальник должен стремиться сберечь живую силу и материальные средства, то есть сохранить моральную, материальную и физическую боеспособность при решении боевых задач с наименьшими потерями. Дисциплина – объединение всех сил подчинённых на почве долга.

* * *

Ум дан многим, а сердце не всем. Надо самому осознать и разъяснить другим, что война помешала многим выйти на широкую дорогу счастливой, созидательной творческой жизни, зачеркнув мечты молодости, так доходчиво, чтоб в сердцах каждого горело желание в любую минуту быть готовым к подвигам и самопожертвованию, без раздумья и сожаления, если этого потребует обстановка.

Командир кровно связан с солдатами, которых он ведёт в бой, и всем (и победой) он обязан им, поэтому на них он должен смотреть прежде всего как на боевых друзей, быть вожаком, бойцом большой души, сильной воли. Главное в боевой дружбе – взаимопонимание, уважение человеческого достоинства, стремление справедливо возвысить подвиги товарища, тем самым самому подняться до больших героических дел. У командира много обязанностей. Главная из них – воспитание и установление дружбы бойцов и укрепление товарищеских уз, спайка подразделения. Сила части в боевой дружбе, товарищеской спайке.

* * *

Я дал краткие определения всем этим элементарным понятиям. Они будут дополнены примерами из боевой жизни и при необходимости – комментариями. А пока сделаю краткий вывод обо всём сказанном.

1. Ум – познает, выясняет, даёт задачу, планирует, указывает способы и методы действия и средства к достижению цели.

2. Воля – приводит в действие средства, выполняет распоряжение, подерживает энергию, то есть, воля есть сочетание: способности самостоятельного решения, способности практического проведения в жизнь принятого решения.

3. Чувство – увеличивает полезную деятельность, повышает или понижает продуктивность работы до высшего напряжения или упадка, бездействия.

4. Совесть – судит о том, в какой мере выполнен долг, вызывает душевное состояние и деятельность – увеличение или уменьшение энергии, как следствие, бодрость (гордость), чувство сознания выполненного долга или угнетение, подавленность угрызением совести под тяжестью стыда за невыполненный долг.

* * *

Каким должен быть командир, офицер? Офицеры делятся в основном на три категории. Я имею в виду строевых, а не штатских в военной форме, которые тоже носят погоны. Итак: офицеры ближнего боя; офицеры тактического соображения и назначения; офицеры (генералы) оперативного мышления и назначения. В военной литературе вы такого разделения офицеров по категориям не найдёте, во всяком случае, я не встречал. Может быть, это грубо, однако так можно распределить. Каждый офицер из этой группы имеет своё место в боевом порядке, своё место в бою. Разница заключается в масштабах руководства, в соображениях и назначениях в службе. Для какого объёма дел офицер предназначен, каков круг его обязанностей.

Командир – мозг войск, организатор боя, творец побед. Когда я пишу или говорю о командире, я хочу доказать, что командир – творческая личность. Мы называем литераторов, художников, композиторов людьми творческого труда, но так как мы говорим, что бой и война это не только наука, но и искусство, то почему организатор этого искусства не является творцом, почему мы его не назовём творческим человеком. И на самом деле, командир – это человек творческого труда. Отвага командира – в его уме и непоколебимой, непреклонной воле. Среди прочих занятий командира главное: думать, думать и думать. Офицер должен быть не столько солдатом кулачного боя, сколько солдатом ума. Как гласит казахская поговорка, «штыком убьёшь одного, а умом тысячи».

Основная обязанность командира до боя – прививать мужество своим подчинённым. Основная обязанность командира в бою – не умирать, а выполнять поставленную боевую задачу, экономно расходуя для этого всё подвластное ему, сообразно обстановке, с учётом реальных сил и возможностей, с наибольшим напряжением энергии. Действия командира всегда должны регламентироваться, сочетая в себе: служебную необходимость; общую целесообразность (не только с точки зрения выгоды для своей части или подразделения, но и для других частей); личную заинтересованность (я имею в виду служебную заинтересованность), если командир не заинтересован в проведении того или иного задания, то не вложит в него всю свою душу. Командир не может быть однозначным, несolidным человеком, он должен глубоко понимать, что такое служебное самолюбие и себялюбие, он должен отличать служебный эгоизм от личного эгоизма. На его вооружении должно состоять простое боевое слово, задевающее за живое солдат своей правдивостью, душевной простотой. Помните казахскую поговорку: «Сөз сүйектен, тайяк еттен өтеді» – «Острое слово – разит, а палка только бьёт». Простота бывает: простота в одном случае – глубина, в другом – пустота; иначе: прост да умён, или прост да глуп. Я имею в виду первое.

Командир должен чувствовать возложенную на него ответственность, не защищать частные интересы вне интересов общих. Командир не должен быть ни безрассудно решительным, ни рассудительным без решительности, однобокость – порок офицера. Командир должен сочетать в себе эти качества. На свои личные достоинства он должен смотреть через призму критики. Командир должен умело применять все меры воздействия на бойца, не унижая его человеческого достоинства, действуя на его чувства, совесть, психику, а это целое искусство, к овладению которого должен стремиться любой здравомыс-

лящий командир. Солдат должен быть в центре его внимания. Офицер должен знать его нужды, душу солдата. Когда я говорю о нужде, то имею в виду не питание, не материальную сторону, а душу человека, умелый подход к нему. Следовательно, командир должен работать умом – дисциплинированно, настойчиво, последовательно и целеустремлённо. Трагические моменты войны требуют от командира суровости и беспощадности ко всякому неповиновению и беспорядку. Война не терпит беспорядка и неповиновения. Суровость должна доходить до смертной казни виновника, без колебаний, если этого он заслужил. Это самое гуманное и самое человеческое, а не сумасшествие. Не гладить же по голове человека, который допустил невозможные вещи – трусость или измену. Потакание – слабость.

Убивать труднее, чем умирать самому. Когда расстреливаешь труса или изменника из своих – это очень тяжело, и в командире-человеке происходит ужасная внутренняя борьба. Человек, преодолев ряд внутренних и внешних трудностей, приходит к выводу о расстреле – это самый трагический момент, для совершения которого нужно мужество.

Строгость и требовательность командира должны быть осмысленными, а всякие словесные нотации, окрик не являются строгостью, а самодурством. Строгость и требовательность должны быть справедливыми, не выходящими за рамки гражданского поведения, воинского такта, ни в коем случае не унижающими достоинства человека-солдата. Итак, командир является воспитателем солдатских масс, он должен придерживаться правила: учи не гневом, а умом. Чем продиктовано это правило? Попадают такие люди, которые привыкли учить гневом. Если у бойца не всё в порядке, начинают на него кричать и оскорблять. Правда, иногда и без крика не обойтись и не добиться желаемого, но всё это нужно делать осмысленно. Вот отсюда и вывод: учить надо умом, а не гневом. Каждый солдат нуждается в теплом слове за свои старания. Следовательно, командир должен придерживаться правила: не хвалить без меры и не терзать без вины. Из чего исходит это правило? Если хвалишь человека, значит, он приобретает славу, но слава имеет двоякий характер: для глупых – способствует стать круглым дураком, для умных слава – большой тяжёлый груз. Если человек приобрёл какую-то известность, следовательно, он превращается в образ, в человека, которому его собственное «я» уже не принадлежит. Всё внимание он должен уделять долгу, а личное для него, до некоторой степени, перестаёт существовать. Власть тоже опасна. Если власть дана умному – умный руководитель, если глупому – самодур, особенно опасный на войне.

Был такой случай, когда один старший лейтенант, действуя в тылу противника, частично выполнил задание. Фамилия его Малярчук, а его прозвали «зробила», потому что он, давая донесения, говорил так: «Зробила три блиндажив». Задание-то он выполнил, однако вернулся, оставив нескольких бойцов из своего подразделения в тылу противника. Часть из них примкнула потом к партизанам. Как солдат он совершил подвиг, а как командир – преступление. Но хотя этот лейтенант был не совсем развитым человеком, его пришлось наградить медалью «За отвагу». Если бы это был настоящий офицер, то я, конечно, отправил бы его в штрафной батальон, а так как он был «зробила», то я ему простил. Наш «зробила» – плохой лейтенант, он даже топографии не знал. У него не было представления о масштабе карты, он совершенно не мог ориентироваться по компасу. Он выполнил задание, уничтожил противника, но где он был – по карте показать не смог. Он вложил в это дело всю свою душу, всё, к чему был способен, а предъявить ему обвинение в том, что он не знает топографии, что не только по компасу, но и по звёздам ему не вывести часть – я не

мог. Поэтому я сказал: «Если он порядочный старший лейтенант, то он заслуживает дисциплинарного батальона, а раз он такой и есть, то за храбрость он заслуживает награду за свой подвиг, как солдат».

Командир должен уметь воздействовать на совесть солдата, побуждать его к благородным порывам, учить и уметь учиться у подчинённого. Это я подчёркиваю потому, что многие начальники, не только военные, может быть, и гражданские, считают ниже своего достоинства учиться у масс. Для командира его подразделение является академией. Моё подразделение, мой полк были моей академией. Солдатская масса это народ, и вполне сложившийся. Солдат говорит умные слова, к нему надо прислушиваться, его надо не только учить, но и у него учиться. Для командира опыт сегодняшней неудачи должен стать предвестником завтрашних удач, то есть, если сегодня вы потерпели неудачу, найдите причины этому, чтобы в следующий раз ошибку не повторить. То же самое – после удачного боя. Командир должен воспитывать своих подчинённых, придерживаясь правила: «Не торопись умирать, а учись воевать». Воюя, учись, закаляйся и мужай. Такое чувство командир должен воспитывать у своих подчинённых.

Личный пример в бою. По этому вопросу не только у других, но и у нас, военных, много различных точек зрения, из-за чего мы потеряли немало наших кадров. Это было и во всех предыдущих войнах. Я уже говорил, что обязанность командира не умирать, а выполнять поставленную перед ним боевую задачу. Мы в начале войны имели ненужные жертвы.

Что же такое личный пример? Это средство управления и воздействия на бойца и на подразделение. Личный пример призывает: «Делай так, как я делаю». Дадим следующую формулировку: личный пример есть средство управления в бою и оправдывается он лишь в том случае, когда действительно необходим. Он должен быть заразителен своей кричащей демонстративностью и действовать наверняка, увлекая за собой остальных. Личный пример – это инициатива. Я здесь немного отклонюсь. Лежит рота, людей надо поднять в атаку. Противник неизбежно встретит огнём, огнём шитом. Командир подаёт команду: «В атаку, вперёд!» Я пока не встречал такого, чтобы люди сразу поднялись по команде и пошли в атаку. И это вполне закономерно: кому хочется умирать? Поднять людей в атаку – это самое трудное. Стоит подняться только одному смельчаку, и поднимется вся рота. Конечно, когда идут в атаку – вся рота смелая, но кто смелее? Тот, кто поднялся первым. Исходя из этого, следует формулировка: инициатива – вожак смелости. У солдат бывает стадное чувство, которое многие презирают. А я считаю, что в таком случае это благородная черта боевого содружества коллектива. Тот, кто первый поднимается в атаку, несмотря на смертельную опасность, тому обязаны успехом, которого добилась рота. Может быть, он сам в этой атаке никого и не убьёт, но он поднялся первым и его надо за это наградить потому, что дело не в том, сколько врагов он заколол в этой атаке, а в том, что он показал пример, поднимаясь первым, тем самым увлекал за собой остальных. Конечно, стыдно отставать от него, и остальные поднимутся и пойдут в атаку. И даже тот, кто совершил героический поступок уже в атаке, тот также обязан первому поднявшемуся. Если личный пример не является заразительным, то это не личный пример, он не нужен потому, что свою цель не оправдывает. Показывать такой личный пример командиру не следует, рисковать ему не нужно. Если командир при этом погибает, то можно сказать только, что погиб он по глупости, потому что не было необходимости показывать такой пример, а он увлёкся и не оправдал своего назначения. Отсюда вывод – особенность личного примера в бою: ко-

манدير должен быть осторожным и показать пример так, чтобы все его видели и тогда, когда это необходимо.

Основу руководства и управления войсками (правда, это слишком громко сказано) составляет борьба с неповиновением. Нелегко стать настоящим солдатом, но и командиру нелегко дисциплинировать войско, а воевать ещё труднее. Покорность в строю не гарантирует от случаев неповиновения в бою. Сопротивление будет проявляться на каждом шагу, и поэтому командир постоянно должен держать свою часть в собранном виде, как говорят кавалеристы: «Собрать коня». Тот, кто надеется, что к нему люди пришли дисциплинированными и всё в порядке, тот ошибается – это ещё не всё. Говоря о борьбе с неповиновением, я понимаю слово сопротивление не как «бунт», а более широко. Во взаимоотношениях командира с подчинёнными ему людьми не должно быть элементов демократизма, то есть между повелевающим и повинующимся может существовать только так называемый ложный демократизм, он совсем не нужен именно в армии. Распоряжение командира (приказ) – это основа подчинения. Ничто так вредно не отражается на службе, как слабая команда. Как отдаётся команда (приказ), так она и выполняется. Слабая команда или распоряжение, без уверенности в голосе, не даёт почти никаких результатов. Когда я отдаю команду, я смотрю солдату в глаза, чтобы понять, насколько до него дошла моя команда, мой приказ и как они будут выполнены. По выражению глаз солдата я могу понять, как он выполнит команду – просто так или с рвением и желанием.

Не поймите меня так, что эта команда должна быть такой же, как «направо» и «налево», я имею в виду широкий смысл слова «команда». Весь успех в бою зависит от уверенности командира, но командир, прежде чем отдать приказ, должен сам глубоко осмыслить его, всесторонне продумать, насколько он необходим. Подчинённый же должен быть убеждён в непреклонности командира при выполнении полученного приказа. В армии для того, чтобы повелевать, нужно самому уметь повиноваться и, прежде всего, разуму и требованиям службы. Необдуманное слово командира иногда обходится слишком дорого полку. Вот я, полковник, командир полка, что мне стоит крикнуть «тревога», а ведь придут в движение больше тысячи людей, обоз, лошади, артиллерия...

Был у меня один командир батальона. Расскажу о нем. Накануне приезжал командующий. В числе других были награждены два комбата: один – умный, другой – легкомысленный. За ужином легкомысленный на радостях выпил. Заметив, что он «под мухой», я предложил ему отправиться домой. Приехав на место, он решил проверить боевую готовность своего батальона. Он сказал только одно слово «тревога», и всё завертелось и понеслось. Люди, кони, повозки... Несколько сот человек, а сам командир заснул. Когда был собран в готовности батальон – это было уже в четыре часа утра (самый сладкий сон для солдата), его разбудили. Он со сна только промолвил «долго собираетесь» и опять заснул. Я его отстранил от должности комбата (он не понимал силы командирского приказа, значит, и не мог командовать). На второй день я был вынужден предоставить батальону отдых. Так одно необдуманное слово принесло службе большой вред. Итак, перечислю требования к приказу:

1. Команда или приказ есть выражение воли командира, формула его решений. Нужно понять, насколько служебная необходимость требует отдать именно такого, а не другого приказа. Нужно знать, всё ли есть для проведения в жизнь этого приказа.

2. Возможно ли выполнить данный приказ и в данных условиях? Вот основное, что должен продумать командир, прежде чем отдать приказ, принять решение.

3. Обеспечено ли необходимыми силами и средствами выполнение приказа.

4. Расчёт времени – сколько времени требуется для выполнения приказа. Расчёт должен быть реальным, а не просто так – сделай это за пять минут.

5. Кому поручается выполнение этой задачи? Не каждому можно поручить выполнение приказа. Только после того, как убедишься, что выполнение приказа решит судьбу людей и что человек выполнит приказ, можно ему его поручить. Не каждый подчинённый способен на выполнение любого приказа.

6. Достаточно ли точно понято приказание исполнителем. Бойся доверяться ответу по заученной канцелярской форме «так точно».

7. Должны быть также обдуманы методы и способы выполнения приказа.

И следующий пункт – контроль. Надо обязательно проверять, как выполняется приказ, искажается ли он или соответствует задуманному. Ведь в бою не всегда делается так, как ты думаешь. Поэтому, отдавая приказ, нужно видеть его выполнение, корректировать его, тогда это будет называться приказом, а если пункты не соблюдены и не обдуманы – это формальность. В моей практике были случаи, когда командиры отдавали непродуманные приказы, следовательно, они не всегда могли быть выполнены. Тогда наказывали подчинённого за невыполнение приказа, а я в таких случаях наказывал командира, отдающего такой приказ, а не солдата.

Командир должен быть популярным в своём подразделении, в своей части. Солдат должен его любить, бояться, уважать и беречь. Строгость командира, основанная на справедливости, – основа его популярности. Приказ должен быть хорошо продуманным. Наказывать солдата нужно только за дело и не оскорбляя его человеческого достоинства, такое наказание не приводит к злу и не умаляет популярности командира, солдат терпит, потому что это справедливо. Несправедливость вызывает озлобление, масса его не терпит. Справедливый командир может назад не оглядываться. Бояться своих – это величайшее несчастье, а чтобы не бояться своих, надо быть справедливым.

В чём выражается забота командира? Да, у него и фураж, и снабжение, и обмундирование, но основная его забота – это честь оружия и сохранение людей, доверенных ему. Все остальные заботы – ответвления от основной. Командир должен иметь нравственное влияние на солдата, говорить с ним на его языке простыми и доходчивыми словами, владеть ключом к сердцу солдата. Командир должен быть примером для подчинённых всегда, везде и во всём; только тогда он сможет справедливо гордиться своим мундиром. Командир должен быть психологом, способным заглянуть в душу солдата; общение с солдатами, понимание их внутреннего состояния постигается не столько умом, сколько искренним чувством и состраданием к их солдатской доле. Высокомерное отношение нетерпимо как оскорбление для них.

Есть такое понятие – субординация. Понятие это двустороннее: старший по чину должен уважать все качества младшего, как своего товарища по оружию, соотечественника, гражданина, человека и так далее, а не смотреть свысока, с пренебрежением – в этом сущность воинской воспитанности и культуры поведения офицера. Исходя из всего вышесказанного, следует вывод: командир должен быть человеком творческого ума и практики, в этом его офицерское достоинство и честь.

* * *

Как бы ни была насыщена современной техникой армия, если её личный состав всесторонне не прошёл боевую выучку, а офицеры плохо владеют способами, методами обучения и управления войсками, техникой и огнём, она (армия) останется бесполезной толпой и при первом серьёзном ударе противника рассыплется, как горох. Для обученной армии огневое крещение – первое необходимое испытание боевых качеств, дающее закалку войскам и имеющее весьма важное значение для дальнейших боевых действий. Первый бой есть предвестник исхода последующих боевых действий. Нужно обучать и готовить войска, во что бы то ни стало выиграть, обязательно выиграть первый бой.

Учёбу нужно организовывать с первого призывного пункта до первой победоносной атаки. Учиться надо и закреплению на захваченном рубеже – воюя, учиться, закаляться и мужать. Без учёбы ни одного «мирного» и боевого дня не должно быть никогда. Основа боеготовности и боеспособности войск – боеготовность и боеспособность каждого отдельного солдата. Они решают задачу на поле боя, а не штаб или карта, – мысль принявшего решение командира. Хорошее и умное решение командира может свестись к нулю, если плохо подготовлен солдат и, наоборот, посредственное решение можно вытянуть на отличный результат, если отлично обучен боец. «Выучка бойца – ключ к победе».

Формирование морального воинского облика бойца и командира, воспитание боевых качеств бойца нельзя ограничивать беседами, докладами, как это очень часто практикуется у нас. Основным должно стать практическое обучение солдатскому ремеслу на местности, реально оборудованном полигоне, избегая всякую условность, давая настоящую боевую нагрузку физическим и умственным силам бойца и командира.

Воспитание моральных и физических сил требует постоянного внимания, умения вникать в душу человека, возбуждать благородные порывы, крепить силу воли, нравственные, моральные, физические, умственные способности, сознание человеческого достоинства, личной и национальной гордости, убеждённую веру в свои силы и способности и веру каждого солдата в оружие. Необходимо терпеливо и кропотливо учить, тренировать, внушать уверенность в действиях советами, замечаниями, наводящими вопросами, призывать на помощь творческую силу и мысли обучаемых, развивать инициативу, воинскую смекалку, хитрость другие боевые качества. Особенно у командиров нужно развивать уверенность в себе, инициативу, твёрдую, непреклонную волю, правильное и последовательное мышление, глубокомысленное решение. Всегда считаться с его мнением, поддерживать и развивать оригинальные мысли – учить и учиться на них. Постоянно поднимать боевой дух на реальной основе анализа тяжёлого ратного труда и жизни солдата. Справедливо оценить старание боевого коллектива. Ни в коем случае не убивать волю и инициативу постоянным «плохо», как это делают некоторые специально, «из желания добиться ещё лучшего».

Набраться терпения, быть собранным. Обязательно различать: незнание, неопытность и халатность в службе. Находить их причину, реагируя вовремя мерами поощрения или взыскания с учётом индивидуальных особенностей, способностей, психики, а не считать всех огульно: «всё плохо» или «всё отлично». Не сверлить постоянно провинившегося, не давая опомниться, или не хвалить отличившегося до головокружения.

Продолжение в № 5, 2025.